

Мрачный залив

Автор:

[Рейчел Кейн](#)

Мрачный залив

Рейчел Кейн

Бестселлер Amazon Мёртвое озеро #5

Они охотятся за убийцей-невидимкой – настолько скрытным и неуловимым, что лишь череда жутких преступлений доказывает его существование...

Машина, найденная в заброшенном пруду. Тела двух девочек, лежащие на заднем сиденье. Загадочное отсутствие их матери, исчезнувшей без следа. Несчастный случай – или убийство? Разгадка этой тайны может дорого обойтись Гвен Проктор и ее подруге, офицеру полиции Кеции Клермонт...

На первый взгляд в жизни Гвен все наладилось. Ее двое детей и любимый мужчина рядом, а все кошмары и ужасы остались в далеком прошлом. Но именно темное прошлое Гвен не дает покоя кому-то невидимому... и неудержимому. Тому, кто хочет добраться до нее – и поставить перед жутким выбором...

Рейчел Кейн

Мрачный залив

Rachel Caine

Heartbreak Bay

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Потрясающим врачам – Риз, Ламонт, Поттер – и особенно чудо-труженицам Грейс Розенберри и Фейт Ньюсом.

Море любви исследовательскому центру онкологии имени Мэри Кроули за работу над редкими видами рака.

Саре, Люсьенне, Тец и Джемме – первым из группы поддержки.

Эта книга не была бы написана без душевной поддержки Лиз Пирсонс, которая всегда отлично понимала цикл «Мертвое озеро» и всех его персонажей и верила в невозможное.

И наконец, моему любимому мужу Кэту. Спасибо тебе. Всегда.

Пролог

Было нечто зловеще гипнотическое в ночной езде на машине. Руль под ладонями был теплым и казался почти живым. Она тоже чувствовала себя живой – впервые за долгое время. Энергия бурлила в ее жилах, предвкушение оставляло на языке металлический привкус – такой острый, что она могла ощутить его физически. Ночь была темной, но утром все, абсолютно все должно было стать новым и замечательным. Она представляла, как восход солнца омывает все розовым и желтым светом, делая идеальным.

Нужно только пробиться на другую сторону. И она могла это сделать. До утра уже было рукой подать, и она была готова.

Она думала о том, что дарило ей подлинное ощущение покоя – в первый раз за долгое время.

Но покой треснул и раскололся, когда она услышала шорох на заднем сиденье, потом капризный кашель, потом громкий вдох. Она ощутила прилив неподдельной, усталой ярости.

«Не плачь, не смей плакать...»

Первый вопль был настолько громким, что мог бы разбить стекло, а мгновением позже к нему присоединился плач второго ребенка – не в лад и невпопад. Она почувствовала, как ее грудная клетка прогибается под тяжестью первобытного, неприкрытого раздражения. На глаза ей навернулись слезы, и она стерла их, думая: «Все в порядке, все в порядке, все будет в порядке, ты знаешь, что делать». Протянув дрожащую руку, включила радио, прибавила громкость и заставила себя продолжать дышать, дышать, в то время как дети продолжали вопить. «Тише, милые», – артикулировала она, но не сказала этого вслух, потому что они все равно не услышали бы и не поняли бы.

Утро приближалось. Она пыталась вообразить, как на черном горизонте разгорается рассвет, ведя ее в будущее. Музыка поможет. Должна помочь.

Она вела машину через длинный, холодный туннель ночи, слушая крики на заднем сиденье, пока они не перешли в икоту, потом постепенно превратились в тихое капризное хныканье, а потом наконец прекратились. Выключила музыку и свернула влево, с одной узкой неосвещенной дороги на другую. Она внимательно следила за GPS-навигатором на своем телефоне – это был единственный способ как-то ориентироваться здесь, в глуши. В этот ночной час в загородной местности Теннесси было темно, как на дне колодца. Поблизости не было даже поселений, достойных упоминания. Она едва могла различить слева слабый отблеск на небе – видимо, там находился Нортон, насколько можно было судить. Она находилась в малонаселенной части штата у подножия холмов – здешние жители-параноики строили укрепленные жилища и всегда держали под рукой оружие; возможно, кое-где сохранились старые охотничьи хижины, обитатели которых питались тем, что могли добыть на охоте. Некому

было заметить, как она куда-то едет.

Она превратила эту поездку в работу, выполняемую по жесткому графику. Одна ночь за другой, такие же, как эта, всегда по одному и тому же расписанию. Множество проселочных дорог, почти ненаезженных грунтовок. Ей все равно. Девочек всегда было трудно успокоить, все ее соседи это знали. Она видела, как люди часто бросают на нее мрачные взгляды, словно говоря: «Ты что, не можешь заставить их помолчать?»

Она посмотрела на детей в зеркало заднего вида и ощутила, как к глазам снова подступают слезы. Безнадежные, беспомощные, злые слезы. «Я люблю своих детей. Действительно люблю. Так будет лучше». Завтрашний день будет другим. Завтра все будет правильно. Она просто должна держаться за это убеждение.

Она плавно остановила машину и опустила стекло. Сначала до ее слуха донеслось кваканье – хор лягушек был таким громким, что ввинчивался в уши, точно сверло. Дорога, на которой она остановилась, была заасфальтирована – но давно и небрежно, и по краям осыпалась; обочины изрядно раскисли. Развернуться и поехать обратно? Невозможно.

Здесь, на дне ночи, воняло стоялой водой и гнилью. Это не был запах чистой воды, как бывает у озера. Здесь было полным-полно старых, застоявшихся прудов, поросших ряской.

И у людей были причины держаться подальше отсюда.

Она сидела, фальшиво напевала себе под нос и долго-долго вслушивалась в ночные звуки. Девочки молчали, и, посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела, что их ангельские личики выражают лишь покой – дети уснули.

«Я просто должна повернуть машину обратно и забыть обо всем», – подумала она. Но правда заключалась в том, что если она сделает это, если поедет домой, то потом все равно окажется здесь – завтра, через неделю, через месяц. Она слишком хорошо знала себя, чтобы поверить, будто она может настолько измениться. Трепет в желудке, зудящее желание двигаться куда-то... оно было сильно до невыносимости. Только поездки на машине спасали ее в последние несколько недель.

Но вскоре и они перестанут помогать.

Свет чьих-то фар вдали застал ее врасплох, она едва не ахнула. Но потом вздохнула с облегчением, поскольку это означало, что с ожиданием покончено. Теперь она ощущала прилив предвкушения, словно обещание утра, разгорающегося на горизонте, уже начало сбываться.

– Все будет в порядке, – сказала она своим детям. Те едва заметно пошевелились во сне. – Мамочка обо всем позаботится.

Ей нужно было лишь решиться и быть сильной.

1

ГВЕН

Все начинается очень славно, потому что вечером в пятницу приходят документы на усыновление.

Сэм Кейд, мой любовник и семейный партнер, теперь официально становится приемным отцом для моих детей, Ланни и Коннора Прокторов. И когда мы получаем это судебное постановление, садимся вместе с детьми за стол, едим торт, обнимаемся и плачем от радости, и любовь между нами так сильна, так велика, что распирает меня изнутри. И все выходные проходят просто чудесно. Лучше, чем когда бы то ни было.

Но утром в понедельник, в темный час перед рассветом, я просыпаюсь с бешено колотящимся сердцем и с тяжелым, мгновенно возникшим убеждением в том, что что-то не так. В горле у меня ощущается слабый привкус крови – остаток кошмара, который ускользает в туман прежде, чем я успеваю запомнить его.

Не считая шепота, последнего тихого слова. «Джина». Мое старое имя, которое теперь для меня мертво, потому что Джина Ройял, бывшая жена серийного убийцы, – лишь воспоминание, призрак. Но мне слишком хорошо знаком этот

голос из кошмара, и я чувствую, как в моих жилах бурлит адреналин. Мне приходится напоминать себе, что этот голос – не настоящий, не может быть настоящим, что мой бывший муж, Мэлвин Ройял, мертв и гниет в земле, его больше нет. Но моему телу плевать на логику. Оно просто реагирует на его голос, и я не могу контролировать эту реакцию... пусть даже этот голос – лишь плод моего измученного воображения.

Я знаю, почему он преследует меня. Мэлвину не нравится, что кто-то другой заменил его в жизни его детей. Но Мэлвин Ройял – монстр, который совершенно не заслуживает того, чтобы они его помнили.

«Гори в аду, Мэлвин».

Я размеренно дышу, пока мой пульс не успокаивается, кровавый привкус уходит, адреналиновая дрожь затихает.

Наконец смотрю на часы. Четыре часа утра. Я слегка поворачиваюсь и чувствую рядом с собой тепло тела Сэма; мой любовник еще не проснулся, он негромко посапывает во сне. По крайней мере, я его не потревожила. Пытаюсь устроиться поудобнее, прижавшись к нему – тесно, словно один кусочек головоломки рядом с другим. Это должно вернуть мне некое подобие покоя, снова унести меня в царство снов.

Но я чувствую, как волосы у меня на затылке тихонько шевелятся сами по себе. Кошмар ушел, но что-то по-прежнему не так. Я научилась обращать внимание на сигналы примитивных инстинктов – это не раз спасало мне жизнь.

Выскальзываю из постели, не разбудив Сэма – или мне так кажется, потому что, когда я протягиваю руку к закрытой двери спальни, то слышу его голос, настороженный и совершенно не сонный:

– Что-то с детьми?

– Не знаю, – отвечаю я ему. – Просто хочу проверить. Вероятно, ничего такого.

Я не хочу говорить ему про мой сон. Мэлвин – тень, которая всегда стоит между нами, и не без причины. И этот сон не имеет никакого отношения к моей

нынешней тревоге.

– Что ж, я все равно собирался встать и попить воды, – небрежным тоном говорит Сэм. Он уже встал с кровати и надевает домашние тапки. Я сама обулась на рефлексе, неизменно готовая к тому, чтобы куда-то бежать. Уже наступила весна, но в такой ранний утренний час по-прежнему зябко. Я чувствую голыми лодыжками холодный воздух, когда отворяю дверь спальни.

На миг чувствую себя сбитой с толку. Это не мой коридор. Он слишком широкий, и ковровое покрытие не того цвета. Я не понимаю, где нахожусь, но потом все встает на свои места. Я вспоминаю наш старый дом у озера Стиллхауз. Но мы переехали. Дом у озера выставлен на продажу, и сейчас его кто-то снимает, но, надеюсь, в ближайшие несколько месяцев его кто-нибудь купит. Теперь мы живем в Ноксвилле. Новый дом. Новые, дружелюбные соседи. Хорошая школа для детей. Все в порядке.

Вот только настойчивое покалывание в затылке говорит мне, что что-то не так.

«Джина, – слышится в глубине моего сознания шепот Мэлвина. – Можешь бежать сколько угодно. Но ты никогда не сможешь убежать достаточно далеко».

«Ты мертв, – отвечаю я ему. – Это достаточно далеко».

В коридоре темно; путь мне озаряет только подсветка, протянутая вдоль плинтуса. Комната Коннора – первая направо от нашей спальни. Я чуть-чуть приоткрываю дверь и вижу, что мой сын не спит. Он сидит в кровати, уставившись в темноту. Когда поворачивается ко мне, я вижу, что лицо у него бледное.

– Ты это слышала? – спрашивает он тихим шепотом. Коннор больше не мой маленький сынок – за исключением таких вот моментов. Ему уже почти пятнадцать. Я хочу, как когда-то, сгрести его в объятия и укачивать, успокаивая, но не делаю этого. Я начинаю осознавать, как тяжело мне пережить то, что даже мой младший ребенок – уже не дитя. Что я должна позволить ему вырасти.

– Все в порядке, – говорю я Коннору. Сэм стоит позади меня в дверном проеме. – Мы сейчас все выясним. Ты помнишь план?

Коннор кивает. Он помнит. Все в этом доме помнят план действий на экстренный случай.

Я закрываю дверь его комнаты и слышу, как он встает и запирает внутренний засов, который я установила в целях безопасности. Хорошо. Шаг первый: задержать чужака, не дать сразу попасть в комнату. Шаг второй: если через несколько минут не будет дана отмашка «все чисто» – нажать кнопку, которая передаст сигнал тревоги прямо в полицию Ноксвилла. Шаг третий: выбраться в окно и бежать за помощью. Не останавливаться ни в коем случае.

Мы все знаем этот план, поскольку всегда есть шанс, что нам придется им воспользоваться.

Я иду в ванную. Там темно, но я все равно проверяю окно. Оно крепко заперто, к тому же настолько мало, что большинство людей вряд ли способно пролезть в него. Затем я направляюсь к комнате дочери. Тут тоже темно, но, открыв дверь, я улавливаю порыв свежего, влажного уличного воздуха. Окно в комнате закрыто – но закрыто не так уж давно.

«Черт возьми!»

Я включаю свет, и Ланни – Атланта, однако никто, кроме учителей, не называет ее полным именем – стонет и поворачивается, бросая на меня сердитый взгляд. На ее лице все еще виден клубный макияж – темные тени с блеском вокруг подведенных глаз, на щеках нарисованы серебристые звезды. Волосы окрашены в несколько ярких оттенков.

– Что такое? – рычит она, потом снова стонет, уткнувшись лицом в подушку.

Я подавляю вулканическое извержение страха, злости и негодования, поднимающееся в моей душе.

– Где ты была?

– Нигде.

– Ланни, ты явно только что вошла. Ты снова сняла свое окно с сигнализации. Ты знаешь, какой опасности подвергаешь своего младшего брата, когда так поступаешь?

Иногда подобное воззвание к совести срабатывает.

Но не сегодня. Ланни заворачивается в одеяло и прячет голову под подушку.

– Ты можешь просто оставить меня в покое? День был такой хороший, зачем тебе надо было все испортить?

Моей дочери через месяц исполняется семнадцать лет, и я ничего не могу с этим поделать. Она знает, что за пределами дома небезопасно, однако плюет на это – или намерена доказать, что способна справиться с чем угодно. Это ужасает. Меня, конечно, радует, что моя дочь настолько сильная – если бы страх потерять ее не терзал меня так отчаянно. Но она пока не взрослая, и я знаю, что должна найти способ удержать ее в узде еще год, пока она не сможет решать за себя сама. Делать собственные ужасные ошибки, которые я не смогу предотвратить, нести последствия, от которых я не смогу ее спасти. Как же тяжело быть теми, кто мы есть: большинство девушек ее возраста сталкиваются совсем с другими сложностями, чем те, которые приходится переживать дочери Мэлвина Ройяла. Ставки для нас всегда намного, намного выше.

Я хочу завернуть своих детей в пузырчатую пленку, держать их в безопасности на полочке и ни за что не позволить миру причинить им хоть каплю вреда. Но они сделаны не из фарфора, и как бы сильно ни было мое желание защитить их, я должна сопротивляться этому желанию. Я должна ослабить объятия, в которых держу их, а не сжимать еще сильнее.

Я могла бы накричать на Ланни, но я уже пробовала этот прием. Она, как и я, упряма. Мне нужно быть умнее, а не громче. Я страшно боюсь, что моя независимая, отважная, умная, порой безрассудная дочь может просто... уйти. Сбежать. А в одиночку она станет беззащитной.

Мне нужно найти способ удержать ее с нами еще немного. Я знаю, что рано или поздно мне все равно придется отпустить ее в большой мир, какие бы опасности он ни таил.

Но не сейчас.

- Поговорим потом, – роняю я.

Она снова стонет, на этот раз от недовольства самой мыслью о разговоре. Я закрываю дверь и оставляю Ланни в одиночестве, не сказав больше ни слова. Повернувшись, вижу, что Сэм смотрит на меня спокойно, но пристально. Я вздыхаю, и он лишь качает головой. Он понимает. Понимает лучше, чем я могла ожидать.

- Ты думаешь, она гуляла с Ви? – спрашивает он у меня.

- Скорее всего, – отвечаю я.

Ви – Вера Крокетт, беглянка из Вулфхантера, насквозь прогнившего городка в теннессийской глуши – не так давно попала под нашу ответственность, но Ви никогда не была способна долго подчиняться чьим-то правилам. Прожив с нами в Ноксвилле всего несколько дней, она затребовала себе статус эмансипированного подростка. Впрочем, она уже обладала этим статусом, потому что никогда не терпела над собой ничьей власти, и если бы я не помогла ей закрепить это положение законно, она просто сбежала бы и вела бы бродячий образ жизни. Снова. Поэтому мы помогли ей с документами, и, по крайней мере, это дало некоторую гарантию, что Законно Эмансипированная Ви будет относительно неподалеку в случае каких-нибудь неприятностей.

Ви пришлось многое пережить, но я в нее верю. Пережитое не сломило ее – по крайней мере, не сильнее, чем любого из нас. И Ви, будучи ровесницей моей дочери, считает совершенно правильным уговорить Ланни выбраться и дома и пойти в клуб, вопреки всем строгим семейным правилам.

- Наверное, действительно виновата Ви, – говорю я. – Без нее Ланни не стала бы так рисковать.

- Посмотри в зеркало и скажи мне, откуда у твоей дочери генетическая склонность к риску.

- Что ж, Ви поощряет эту склонность.

– Я не считаю, будто то, чем они занимаются, безопасно, но, по крайней мере, мы знаем, что Ви умеет выживать. И ради того, чтобы защитить Ланни, она будет драться, как сотня демонов. Ты это знаешь. В конце концов тебе придется позволить Ланни жить так, как хочет сама Ланни.

Придется. И это просто ад.

Я отстукиваю по двери Коннора условный сигнал «все чисто», потом мы с Сэмом устраиваемся на кушетке в гостиной. Я скорее чувствую, чем слышу его протяжный вздох.

– Девчонки, – произносит он. – Боже, я люблю их, но в то же время понятия не имею, что делать в таких вот случаях. Это ужасно глупо, да?

– Нормально, – отвечаю я и прижимаюсь к нему; он меня обнимает. – В таком возрасте с девочками трудно. Уже жалеешь, что подписал бумаги?

– Ничуть. Ни на секунду. – Он отводит волосы с моего лба – несколько лет назад я отпрянула бы от этого нежного прикосновения, но теперь оно меня успокаивает. – Ты в ее возрасте была такой же трудной?

Я невольно усмехаюсь. Горько.

– Я была хорошей послушной девочкой со строгими воцерковленными родителями. У меня даже не было голубых джинсов. Никакой выпивки, никаких наркотиков, никаких мальчиков, никаких клубов.

Я влетела в совершеннолетие – или, точнее, совершеннолетие обрушилось на меня – словно под случайный автобус. Я была совершенно не готова к агрессивному шарму властного мужчины, который был несколькими годами старше и который выбрал меня так же, как лев выбирает самую медлительную газель в стаде. Мэлвин Ройял был, по мнению моих родителей, идеальным женихом. Он великолепно сыграл эту роль, поскольку точно знал, чего хочет: замкнутую жену-ребенка, которую он сможет изолировать от всех и выдрессировать так, как ему нужно.

И именно такой женой я стала. Я трудилась изо всех сил, чтобы потерять всякое сходство с прежней собой и с той, кем я могла бы сделаться... чтобы стать именно такой, как требовалась Мэлвину Ройялу. Мне казалось, будто это и есть счастье.

До тех пор, пока все не рухнуло и не превратилось в кошмар. Тогда мне пришлось понять, кто я действительно такая. И что я действительно могу сделать.

Сэм целует меня в висок, и я, прикрыв глаза, поворачиваюсь к нему, и наши губы встречаются. Я не люблю думать о своей прежней жизни. Шепот Мэлвина всегда где-то рядом со мной, слишком близко. Поцелуй становится глубже, нежнее, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы отогнать воспоминания прочь.

Пока Сэм с полным сожаления вздохом не прерывает этот поцелуй и не прислоняется лбом к моему лбу.

– Мне нужно поспать, – говорит он. – Извини. Через несколько часов утреннее занятие.

– Знаю, – отзываюсь я. Сейчас он работает летным инструктором, обучает частных клиентов водить малые самолеты, но вдобавок учится сам, проходя переаттестацию на пилота коммерческих рейсов. Он занятой человек, но, вопреки всем раскладам, все-таки со мной. И я уже не боюсь говорить о своей любви к нему.

Как и все в этом доме, мы оба носим в себе надлом. Он – брат жертвы маньяка. Я была женой маньяка. Наши травмы столкнулись лоб в лоб в тот день, когда пьяный водитель врезался в дом, где я жила вместе с Мэлвином Ройялом. Этот несчастный случай явил миру не только труп сестры Сэма, но и целый след ужасов, протянувшийся на годы в прошлое и в будущее.

Эта авария разрушила мою жизнь и жизнь Сэма – но совершенно разным образом.

Нам – каждому со своей стороны – пришлось принять наследие Мэлвина Ройяла и выстроить мост из отношений поверх этой темной, полной гнева пропасти. Но иногда рана еще кровоточит. И всегда, постоянно болит.

– Иди спать, – говорю я Сэму и снова целую его. Этот поцелуй полон сожаления, но подслащен обещанием будущего. Сэм обнимает меня и уходит в спальню.

Я слишком встревожена, чтобы попытаться уснуть, как бы заманчиво это ни было. Я просто ворочалась бы с боку на бок, тревожа своего любовника. Тихонько направляюсь в наш рабочий кабинет. Выгодная черта нового дома: больше места. У Сэма есть свой рабочий стол, у меня – свой. Когда я закрываю дверь и включаю свет, на меня снова обрушивается ощущение дежавю: мой поцарапанный старый стол, мои старые каталожные шкафчики – но все это размещается в другой, более просторной и чистой комнате.

Я развесила по стенам картины и фотографии. На некоторых изображены пейзажи, на других запечатлены люди. Конечно же, мои дети и Сэм. Очень узкий круг друзей в те счастливые времена, когда пару лет назад мы с Сэмом устраивали барбекю. С первого взгляда все нормально.

Со второго взгляда каждое изображение обретает дополнительный смысл. Восточная стена – моя любимая. Вот та прекрасная, потрясающая картина нарисована молодой женщиной по имени Арден Миллер – мы наткнулись на нее, когда охотились за моим бывшим мужем, и тогда она была запугана и загнана в угол. Теперь она в безопасности, живет под новым именем. Время от времени я слежу, как у нее дела – она быстро делает карьеру художницы. Как и Сэм, она вышла из тьмы и нашла свет[1 - Об этом рассказывается в романе Р. Кейн «Темный ручей».]

Рядом с картиной висит фотография двух девушек в шортах и футболках. Девушки держат друг друга под руки и выглядят абсолютно обычно. Когда я в первый раз увидела их, они были заперты в подвале особняка в Вулфхантере, сломлены и запуганы. Я не собиралась распутывать эту тайну, но она натолкнула меня на идею взяться за поиски пропавших людей в качестве частного детектива. Эти две девушки прислали мне только этот снимок – ни записки, ни указания местонахождения, но он напоминает мне о том, что они тоже нашли себе безопасное место.

На этой стене я развесила только отображения своих успехов. Хорошие воспоминания. Даже для Ви там нашлось место – одной рукой она обнимает мою дочь, другой отмахивается от фотокамеры. Ви – тоже успех. Она пережила Вулфхантер[2 - Об этом рассказывается в романе Р. Кейн «Волчья река».]

Не все смогли пережить. На западной стене, самой затененной, висят другие снимки. Вид озера Стиллхауз напоминает мне о людях, которые умерли из-за того, что замыслы моего бывшего мужа продолжали воплощаться в жизнь и после его ареста. Кажущееся таким мирным фото кладбища – на самом деле сделанный издали снимок безымянного дешевого надгробия, обозначенного только цифрами; под ним покоится труп Мэлвина Ройяла, и эта фотография напоминает мне о том, что он мертв, что его больше нет. Мне нужно помнить о своих неудачах так же, как о своих успехах; это учит меня тщательнее обдумывать те риски, на которые я иду. Потому что я не всегда рискую только собой.

Знаю, что вести подобный счет неправильно, но только так я могу придать событиям этих дней некий смысл.

Вопреки обыкновению, первым делом, сев за стол, я проверяю своих неотступных интернет-троллей. У меня есть список этих троллей, и я провожу поиск, чтобы посмотреть, что они пишут. В последнее время шумиха слегка утихла; появились новые поводы для того, чтобы покричать, новые люди, которых можно помучить – как виноватые в чем-то, так и невинные. Но я, бывшая жена серийного убийцы Мэлвина Ройяла, никогда не перестану быть одной из мишеней; и конечно же, я вижу, как один из самых настойчивых преследователей снова ратует за то, чтобы провести повторное расследование моей причастности к преступлениям Мэлвина.

Замужество за маньяком в глазах большинства людей – уже достаточно веское доказательство того, что со мной что-то не так. Но этому типу не нужно правосудие. Ему просто нравится причинять людям боль... но на расстоянии, сидя в безопасности за своим компьютером. В этом нет ничего нового.

Я проверяю рабочую почту. Мне нужно провести несколько скучных проверок чьей-то биографии, но это может подождать. Детективное агентство, на которое я работаю – в основном удаленно, – проводит изрядное количество стандартных корпоративных расследований, проверяя потенциальных кандидатов на высокие посты. Меня все еще изумляет, как много таких людей в итоге оказываются плохими. Мне почти кажется, будто те, кто поднялся до высших эшелонов власти, попутно зарабатывают склонность к социопатии – кто бы мог подумать? А если у них достаточно денег и власти, эти люди редко сталкиваются со сколько-либо весомым возмездием за разрушенные ими жизни.

И я не могу относиться к этому нейтрально.

Когда десять минут спустя жужжит телефон, мой пульс ускоряется так сильно, что я чувствую его биение в висках. Мгновенная паническая реакция – так же, как при сегодняшнем пробуждении от кошмара. Я сразу же начинаю думать о людях, которых люблю, о том, кто из них мог бы звонить в такой час... и почему.

На экране телефона высвечивается имя моей близкой подруги, живущей близ Стиллхауз-Лейк – Кеции Клермонт. Она – одна из двух полицейских детективов, которых может позволить себе крошечный городок Нортон.

– Кец? – выпаливаю я, едва поднеся телефон к уху. – Что случилось? Что-то с твоим отцом?

– Нет, с ним все нормально, – отвечает она. – Извини, я тебя разбудила?

Я сглатываю панику и издаю неискренний смешок.

– Ничего подобного. Я уже почти час не сплю. Дурные сны и дурной ребенок, который не верит в комендантский час.

– Я предчувствовала, что ты не спишь, – говорит она. В ее голосе нет веселья; на самом деле, я давно не слышала от нее такого угрюмого тона. – На меня свалилось одно дельце. Теперь я торчу в этой клятой глуши, в темноте, и все это... очень плохо.

Кец редко проявляет слабость. Я испытываю прилив тревоги, слыша, как дрожит ее голос.

– Что случилось? – Опираюсь локтями о стол и подаюсь вперед, вслушиваясь, как она делает глубокий вдох.

– С первого взгляда казалось, что ничего такого – несчастный случай, вероятно. Но теперь мне так не кажется.

Она явно не хочет рассказывать. Я снова чувствую, как шевелятся волосы у меня на затылке; к этому добавляется холодок, бегущий по коже.

- Престер там? - Детектив Престер - ее напарник, хороший, надежный человек с отрешенным взглядом копа, который в своей жизни видел все. Он по меньшей мере на двадцать пять лет старше Кеции.

- Нет, - говорит она. - Я стараюсь дать ему передышку; в последнее время старик выглядит плоховато. Здесь только я и коронер. И совершенно бесполезный помощник шерифа.

- Тебе нужна компания?

- Я не могу просить тебя об этом.

- Ты и не просишь, - отвечаю я. - Но я еду.

2

ГВЕН

Зловеще. Это первое слово, которое приходит мне на ум, когда я выезжаю на вершину холма на безымянной проселочной дороге и вижу, как над прудом поднимается туман, извиваясь и сворачиваясь в кольца, точно живое существо. Вся сцена окрашена красными и синими бликами проблесковых маячков на стоящих у пруда машинах: патрульном автомобиле помощника шерифа, неприметной легковушке Кеции и фургончике коронера - выглядит этот фургончик так, словно сошел с конвейера в семидесятых годах двадцатого века, и это в лучшем случае. Я съезжаю с холма и торможу позади машины Кеции. Узкая, едва проходима́я дорога погружена во мрак, и до меня доходит, что чем больше машин соберется здесь, тем труднее будет кому-либо из нас выехать отсюда. Но сейчас для меня всего важнее дрожь в голосе Кец. Она позвонила. Я должна была приехать. Она не раз приходила мне на помощь, когда я в этом нуждалась. Особенно когда моим детям грозила настоящая опасность. Негласная поддержка со стороны Кеции много значит для меня, и если я смогу отплатить за это, пусть даже таким пустяком... я это сделаю.

Паркуюсь и выхожу из машины. Утренний холод пронзает мое тело; я застегиваю на «молнию» флисовую куртку и накидываю капюшон. Обычно я не особо обращаю внимание на холод, но сейчас он лишь усиливает ощущение потустороннего ужаса. Здесь что-то не так, сильно не так. Может быть, виной этому темнота, туман, неотступный запах плесени и гнилой стоячей воды. До озера Стиллхауз не близко, но и не так уж далеко; когда я пытаюсь воспроизвести в голове карту, до меня доходит, что от этого места не больше пяти миль до дома-бункера, который семейство Бельденов называет своим домом. Я с трудом подавляю дрожь. Мы с Бельденами заключили соглашение, и это соглашение строго обязывает меня не вмешиваться в их дела и не привлекать еще больше внимания к округе, где они обитают и ведут нелегальную торговлю наркотиками.

Я предпочла бы не возвращаться к этой – я надеюсь, завершенной – главе своей жизни. Но не могу отделаться от ощущения, будто из темного леса за мной кто-то наблюдает, и это внушает мне сильную тревогу.

Кеция подходит ко мне еще до того, как одинокий окружной полицейский, тоскующий в своем автомобиле, вообще замечает меня. Мы коротко обнимаемся – Кец редко позволяет себе подобное отступление от профессиональной сдержанности. Она отстраняется так быстро, что вряд ли кто-то замечает ее жест. Я замечаю, с каким напряжением ей удастся сохранять бесстрашие на лице. Коронер расставляет переносные фонари, и мы обе вздрагиваем, когда они вспыхивают, заливая берег молочно-белым светом.

«Это всего лишь пруд», – думаю я. Однако знаю, что это не так.

– Что случилось? – спрашиваю у Кец.

Она дает мне сухой профессиональный отчет:

– В полицию округа поступил звонок от человека, который, как ему показалось, заметил здесь что-то подозрительное. Свое имя он не назвал. Помощник шерифа Доуг не заметил на указанном месте ничего особенного, но потом припарковался у пруда, чтобы помочиться. Именно тогда он увидел машину.

Я оглядываюсь по сторонам.

– Какую машину?

Кеция указывает на пруд, над поверхностью которого вьется туман. Я вопросительно смотрю на нее, потом влезая на кочку – и этого достаточно, чтобы увидеть, что именно освещают переносные фонари. Вода мутно-зеленая, в ней плавают коричневый ил, но под поверхностью виден автомобиль. От пруда несет плесенью, ряской и дохлой рыбой.

Я слышу чихание со стороны патрульной машины и вижу помощника шерифа – он кутается в одеяло. Только сейчас я замечаю, что вид у него жалкий и мокрый, с его одежды капает вода. Он залезал в пруд. Смотрел, не выжил ли кто. Но машины «Скорой помощи» здесь нет, только фургончик коронера, за рулем которого сидит молодой афроамериканец в рабочем комбинезоне. Никто явно не торопится.

– Значит, в машине нашли труп? – предполагаю я.

– Два, – отвечает Кеция и бросает взгляд на помощника шерифа. – Он нырял в воду на тот случай, если они еще живы. Но нет.

– Двое. – Что ж, это плохо, но она видела и худшее. Здесь глушь, где царят примитивные законы и наркоторговля. Во время этого долгого пути в темноте я думала о том, почему Кеция позвонила мне. – Кец... это имеет какое-то отношение... ко мне? Или к Мэлвину?

Это мой худший кошмар – что меня снова выволокут на всеобщее обозрение, вместе с моими родными. Она знает это.

– Нет, – отвечает она. – Ничего такого. Извини, мне нужно было сказать это по телефону. Я просто... в этом деле есть аспекты, в которых ты, как я решила, можешь мне помочь. Неофициально.

Это кажется мне странным. Кеция на многое способна, но когда речь идет о расследованиях, она обычно строго придерживается протоколов.

– Ладно. Так почему ты считаешь, что тебе нужна неофициальная помощь?

– Потому что дело плохо. Хуже не бывает. – Она делает глубокий вдох. – В машине, на заднем сиденье, два трупа маленьких девочек, все еще пристегнутых ремнями безопасности к детским креслам. Возраст – около года, не знаю точно. Вероятно, близняшки.

Кец произносит это вполне спокойно, но я знаю, что она совершенно не испытывает спокойствия. Чувствую, как внутри у меня все стягивается в болезненный узел, и я снова смотрю на машину в пруду. Молча. Трупов отсюда не видно. Слава богу. Наконец я говорю:

– Но ни следа водителя?

– Ни следа кого бы то ни было. Только мертвые дети. – На последнем слове ее плечи вздрагивают, но не понижают – наоборот, каменеют. Во взгляде Кеции блестит металл, она не моргает. – Я хочу найти эту тварь. Очень хочу.

Трудно думать о чем-либо, кроме этого холода, кроме подавляющей атмосферы этого места. Я моргаю, и мне кажется, будто я вижу утонувших девочек в машине. К горлу подступает тошнота, голова кружится от холодной, сырой вони, поднимающейся над прудом.

– Ты думаешь, кто-то из родителей...

– В том-то и дело – я не знаю. Быть может, у водителя что-то случилось с машиной, а когда он вышел, его похитили, и похититель столкнул автомобиль в пруд, чтобы скрыть случившееся... Может быть, он даже не заметил детей... – Она вздыхает, и я ощущаю в этом вздохе раздражение. Злость. – Я просто строю догадки. Мы должны взвесить все улики, которые найдем. Совершенно ясно, где именно машина съехала в пруд; следственная бригада выяснит, столкнули ли ее, или же кто-то сидел за рулем.

Я откашливаюсь, пытаюсь избавиться от омерзительного привкуса во рту.

– Может быть, водитель... вероятно, их мать... смогла выбраться из машины, но не сумела спасти детей. Может быть, она ранена и блуждает где-нибудь в лесу.

– Может быть, но, скорее всего, нет. Помощник шерифа Доуг еле выбрался из воды и клянется, будто, когда он залезал в пруд, никаких следов на берегу не было. Никто не мог бы вылезти на берег, не оставив за собой борозду в грязи.

Мне не хочется отсекал эту версию – я вижу, что Кеции тоже. Если б мать пострадала в аварии и в полубессознательном состоянии заблудилась в лесу, это происшествие было бы просто несчастным случаем. Трагедией, да. Но теперь оно становится чем-то куда худшим. Зловещим и ужасающим.

– Ты позвонила в полицию штата?

– Должна позвонить. Но я намерена попытаться взять это дело себе. Этот пруд находится в пределах округа Стиллхауз-Лейк.

– Половина пруда, – поправляет помощник шерифа, дрожащий в своей машине. Мне не нравится взгляд, который бросает на него Кец. – Вторая половина находится на территории нашего округа.

– Машина на моей половине, – заявляет она. – Я буду сотрудничать с полицией округа и штата, но вести это дело хочу сама.

Я киваю. Я все еще не знаю, на самом деле, почему я здесь. Я частный следователь, а не коп. Да, я подруга Кец, но Теннессийское бюро расследований вряд ли придаст этому особое значение. Поэтому спрашиваю очень мягко:

– Кец, ты их знаешь? – Я не могу придумать никакой другой причины, по которой она была бы так... заинтересована этим случаем. Но она качает головой. – Тогда почему...

Кеция не хочет говорить мне, и ей требуется почти две минуты, чтобы подыскать слова.

– Мы с Хавьером уже несколько месяцев говорили о том, чтобы обзавестись детьми, – произносит она. – Вчера я сделала тест, и... – Поднимает руку ладонью вверх и улыбается с ноткой горечи. – Оказалось, что я беременна. Я была невероятно счастлива, а потом поступил этот звонок, и теперь, видя это... я не знаю, Гвен. Я знаю только, что не могу оставить это так. Просто не могу.

Я беру ее за руку, хотя вряд ли она своим жестом предлагала мне сделать именно это, и ее пальцы смыкаются с моими. Она делает резкий вдох.

– Я даже еще не успела сказать Хави. Я не хотела сообщать ему по электронной почте. Скоро он должен позвонить мне... Боже, а ведь я, скорее всего, все еще буду здесь, со всем этим!

Я не могу представить, какой хаос эмоций она испытывает сейчас. Пытаюсь вложить в свои интонации все сочувствие, которое испытываю в этот момент.

– Что я должна сделать, скажи? Неофициально.

– Мы собираемся узнать, кто владелец этой машины, – говорит Кеция. – Но мне нужно имя и адрес того, кто сообщил об этом происшествии по «девять-один-один». Наша система настолько устарела, что ее можно считать антиквариатом. Я знаю, что техника, которой ты пользуешься, намного современнее. – Она берет свой телефон, печатает что-то, и несколько секунд спустя я чувствую, как мой собственный смартфон вибрирует. – Я послала тебе все данные и записи, какие у нас есть. По номеру звонившего его имя не определяется – у нас есть только сам номер и общее местонахождение. Полагаю, с этого можно начать.

– Я проверю, – говорю я ей. – Ты думаешь, что если человек, который позвонил, был поблизости, он мог видеть больше, чем сказал?

– Или это был сам убийца. Иногда они так делают – играют в игры...

Я вздрагиваю, чувствуя, как узел в животе стягивается еще туже. Потому что она права. Мэлвин Ройял любил играть; его невероятно забавляло подкидывать полиции улики, которые вели в никуда. Но в основном мне не по себе от того, что я представляю, как кто-то – кто-то, кто сейчас выглядит лишь смутной тенью – делает звонок, наслаждаясь этим моментом, в то время как мать двух убитых детей извивается на заднем сиденье его машины или в багажнике. Это ужасно, но мне легче считать ее жертвой похищения, находящейся в опасности, чем преступницей.

Коронер подходит к нам, и Кец выпрямляется, явственно заставляя себя принять профессиональный вид. Не знаю, замечает ли он это.

– Мы готовы вытащить машину из воды, детектив. Я сделал все нужные фотографии, включая снимки берега со всех возможных точек, – говорит коронер. – И нам нужно место на дороге, чтобы сохранить и рассортировать улики, если они сохранились в этой воде. Все эти машины нужно отогнать в сторону.

Кеция кивает.

– Эвакуатор уже едет. Как вы думаете, долго ли машина пробыла под водой?

– Я скажу точно, когда мы извлечем тела, но недолго. Скорее всего, пару часов. Ночь сегодня холодная. Это хорошо, но чем раньше мы достанем трупы жертв из воды, тем лучше.

Я понимаю, что моя машина подъехала последней и должна выехать первой, чтобы эвакуатор мог втиснуться на нужное место.

– Кец, я сделаю все, что смогу, – обещаю. Я все еще нахожусь немного в стороне от этого ужаса: я не видела трупов. И отчаянно не хочу подходить ближе, потому что увидеть мертвых детей – это испытать особую душевную боль. Это тяжелое испытание для тех, кто видит подобное. – Позвонишь мне потом?

Она лишь кивает. Ее внимание снова приковано к пруду. К машине. К детям, которых мы не видим.

Я воображаю себя на ее месте: недавно забеременевшей женщиной, чей мужчина уехал на сборы армейского резерва. Лицом к лицу с таким ужасом. Я сделала бы для Кеции что угодно еще до того, как приехала сюда, но теперь... теперь я сделаю все и даже больше.

Поскольку знаю, что она вложит в это дело все свое сердце и душу.

Я осторожно выезжаю задним ходом; на узкой, осыпающейся дороге это нелегко, и я сдерживаю дыхание, молясь, чтобы не угодить колесом в кювет. Потом с облегчением замечаю узкую грунтовку, отходящую в сторону от основной дороги, и быстро разворачиваюсь, чтобы хотя бы видеть, куда я еду.

Позади меня пульсирующее красно-синее мерцание проблесковых маячков напоминает очаг лесного пожара, готового поглотить все вокруг.

Кто мог сделать это?

Зачем?

Как и Кеция, я хочу знать.

Была ли мать этих детей жертвой похищения или же убийцей, ее все равно нужно найти.

3

КЕЦИЯ

Эвакуатор не спешит добраться до места происшествия, но наконец он прибывает. Я ненавижу этот звук – громкий и высокий прерывистый писк, который раздается, когда старый грязный грузовик сдает к пруду задним ходом. Я знаю, что в этом нет никакого смысла, но мне хотелось бы, чтобы он был чистым; однако он покрыт многодневной коркой грязи. Водитель эвакуатора – массивный белый мужчина с усталым лицом в засаленной бейсболке. Он по-дружески приветствует Доуга, помощника шерифа, но совершенно игнорирует меня и коронера Уинстона.

– Что от меня требуется? – спрашивает водитель у Доуга, и тот смотрит на меня. Я делаю шаг вперед и объясняю, как будто это кому-то не ясно:

– Нам нужно вытащить из пруда вон ту машину. Как можно аккуратнее. Это улика преступления.

Ему не нравится получать указания от меня. Хреново. Я смотрю ему в глаза; наконец он кивает и, отведя взгляд, говорит:

– Понадобится время. Надеюсь, вам холод по нраву. Мне вот точно нет. – Он достает из ящика с оборудованием, закрепленного в кузове эвакуатора, пару высоких болотных сапог и натягивает их. – Могли бы хотя бы до утра обождать... Вон ту машину надо отогнать по дороге как можно дальше. – Он показывает на мой седан без опознавательных знаков. Я уже отвела его на расстояние, которое считала достаточным.

– Это моя машина, – отвечаю я. – Я ее уберу.

– Ну, спасибо, офицер, – хмыкает он. В его словах звучит вызов, и у меня возникает соблазн ответить на это, – но я не отвечаю. Юг никогда не относился по-доброму к людям моего цвета, а в темноте здесь часто случается что-нибудь плохое. Я ношу полицейский жетон и пистолет, но все равно чувствую это отношение – словно боль в костях при смене погоды.

Положить начало новым неприятностям – это последнее, что мне требуется. Нужно сосредоточиться на важном: на этих двух мертвых девочках, чья смерть взывает к правосудию. И то, что при этом приходится игнорировать очередного расиста, – лишь часть жизни в местной глуши.

Я понимаю, что отношусь к этому не совсем рационально. Что раздражаюсь совсем не на то, на что следовало бы, замечаю слишком много всякого и даю повседневным вещам слишком много власти над собой. Не знаю, виноваты ли в этом гормоны или просто осознание того, в какой мир я собираюсь привести это крошечное чудо – ребенка. По крайней мере, мы с Хави будем любить этого ребенка. Однако до безопасности еще как до Луны пешком.

Я перегоняю свою машину к боковой дороге, которую заметила по пути сюда; там паркую ее и оставляю мигать переносной проблесковый маячок на крыше – на тот случай, если кто-то поедет вниз с холма. Потом возвращаюсь обратно пешком. Водитель эвакуатора, чертыхаясь себе под нос, уже забрел в пруд.

– Тут наверняка живет эта поганая амеба, которая жрет мозги, – говорит он.

Я удерживаюсь от того, чтобы сказать, что для него не будет никакой разницы.

Пусть даже этот человек мне не нравится, свое дело он знает. Закрепляет цепи, морщась, когда ему приходится наклоняться и окунаться в воду. Ругается так же

проникновенно, как многие люди молятся. Потом выбирается на берег, и когда поскользывается, помощник шерифа протягивает ему руку. Нам придется задокументировать это все, но толку-то? Водитель достает из кабины грязное полотенце и вытирается, но это не избавляет его от зеленой слизи, прилипшей к одежде. Усевшись за панель управления, он начинает работать.

Надо сказать, что работает он хорошо. Медленно, аккуратно вытягивает машину, соотнося ее вес и вес своего грузовичка, учитывая давление воды. Шестеренки скрипят. Я тоже скриплю зубами и едва удерживаюсь, чтобы не сказать ему: «Обращайтесь с этой машиной так, словно в ней ваши собственные дети», – но даже не знаю, много ли эти слова будут для него значить. Просто хочу, чтобы в этом кошмарном процессе присутствовала хоть капля уважения.

Мой телефон жужжит; я достаю его и проверяю: звонит Хавьер. Чуть слышно вздохнув с облегчением, я принимаю звонок и сразу же чувствую, как все облегчение испаряется под давлением этого места и этих обстоятельств.

– Привет, Хави. Я тебя люблю.

Теплый баритон Хавьера Эспарцы прокатывается сквозь меня, словно волны летнего жара, и это очень приятно сейчас в этом холодном сыром месте. Он говорит с легкой хрипотцой:

– Я тоже тебя люблю. С тобой все в порядке?

Раз Хави задает такой вопрос, должно быть, в мой голос прокрался ползучий ужас. Я делаю усилие, чтобы отогнать это ощущение.

– Да, – отвечаю. Это звучит убедительно. – У тебя сейчас уже поздно или еще рано?

Я не знаю, куда его в этот раз отправили на тренировочный сбор морской пехоты, длящийся несколько недель; я часто этого не знаю. Так для него безопаснее. Сейчас он – один из морпехов, которых могут загнать куда угодно.

– Querida[3 - Любимая (исп.)], там, где я сейчас, уже позднее утро. Я забыл, что у вас еще рано, но выбирать не приходится; эфирное время у меня именно

сейчас. – Хави уехал только несколько дней назад, а я уже скучаю по нему так, словно он отсутствует целый год. – У вас там все в порядке? Судя по звуку, ты не дома.

– Я на месте происшествия, – отвечаю я ему. – Я... – Нужно ему сказать. Но сейчас, когда он позвонил, мне не хочется этого делать. Я чувствую себя слабой и неспособной что-либо сделать, а он ужасно далеко.

Бросаю взгляд на Доуга, который снова укрылся в своей машине, включив обогреватель. Коронер стоит поблизости. Я отхожу на пару шагов, потому что лебедка эвакуатора опять издает металлический скрежет. Мой взгляд прикован к машине, медленно выползающей из пруда. Задний бампер испаривает поверхность воды, следом появляется крыша легковушки. От нее разбегается ленивая рябь. – Я должна сказать тебе кое-что, – произношу я и отхожу еще дальше от шума, от посторонних ушей. – Я не уверена, что сейчас правильный момент, но... я не хочу ждать. Хавьер... я беременна.

На этот раз пауза затягивается так, словно сигналу требуется время, чтобы покрыть расстояние между нами. Как будто Хави не просто далеко от меня, но и лишился дара речи.

– погоди, что? Ты... Кец! О господи! – Радость в его голосе наполняет мою душу, прогоняя прочь холод и одиночество. Мне кажется, будто я вдруг оказалась под яркими солнечными лучами. – Кец, маленькая моя, у нас будет ребенок... – На последних словах его голос дрожит. Большой сильный морпех готов расплакаться. – Ты в порядке? Правда? Черт, как жаль, что я не с тобой сейчас... Как бы я хотел быть рядом с тобой!

– Будешь, – говорю я ему. – Я в порядке. И ребенок тоже. Через пару дней иду на прием к врачу. Я перешлю снимок УЗИ на твой телефон, чтобы ты мог увидеть, когда тебе снова позволят включить его. – Сейчас его телефон почти постоянно выключен – по соображениям безопасности, конечно.

– Кец... – Тон его становится мрачным. – Что-то по голосу не похоже, чтобы ты радовалась. Ты рада?

– Очень, – заверяю я, вкладывая в это слово искренние эмоции. – Я очень хотела этого. Просто... меня вызвали на очень тяжелое происшествие. Трудно от души

радоваться, когда случается такое.

– Милая, мне очень жаль... Делай то, что должна делать, Кец. Я люблю тебя. Всегда.

– Я тоже тебя люблю. – На несколько секунд я затягиваю это молчание, теплое и нежное, потом вижу, как эвакуатор наконец делает финальное усилие, и передние колеса легковушки тоже оказываются на скользком берегу пруда. – Береги себя, Хави. Ради меня и ради ребенка.

– Ты тоже береги себя. Отдохни, когда сможешь... – Связь прерывается посреди последнего слова. Я привыкла к этому; там, куда его отправляют, иногда и вовсе нет связи. Мне повезло, что он вообще сумел позвонить.

Теперь, когда его голоса нет со мною, предрассветный холод кажется еще злее. Я медленно выдыхаю, стараясь избежать появления белого облачка пара, и смотрю, как шины легковушки обретают сцепление с берегом. Она наконец-то полностью вытащена из воды. Водитель эвакуатора оказался профессионалом – в такой глуши и в такой час трудно было ожидать чего-то подобного: сумел полностью вытянуть машину на дорогу, и теперь отцепляет буксировочную цепь и отгоняет свой эвакуатор подальше.

– Мне подождать? – спрашивает он. Не у меня, конечно же, – у помощника шерифа.

– Будьте так добры, – отвечаю я. – Если вы не против.

Водитель пожимает плечами.

– У меня повременная оплата.

Вода струится из открытых окон, стекает по дверцам. Все четыре дверцы закрыты. Я заставляю себя не смотреть в сторону заднего сиденья, пока Уинстон заново расставляет фонари, чтобы осветить новую улику. Я сосредотачиваюсь на внешнем осмотре. Машина не новая, но за ней явно хорошо ухаживали. Никаких повреждений не видно. Она светло-бежевая – цвет, который нечасто увидишь в наши дни, – но, возможно, я ошибаюсь, и оттенок ближе к бледно-золотистому.

Трудно точно определить в резком свете фонарей – но для фотосъемки такой свет подходит лучше всего.

Помощник шерифа и коронер смотрят на меня. Я подхожу и помогаю Уинстону развернуть чистый синий брезент, который мы размещаем со стороны водителя, чтобы все, что выпадет из машины, попало на этот брезент. Уинстон дает мне бахилы из нетканки, которые я натягиваю поверх ботинок. Потом надеваю перчатки и делаю шаг к ведру с водой, которое когда-то было автомобилем.

Наклонившись к открытому окну, я смотрю внутрь. Внутри все еще бултыхается минимум два фута мутной воды.

– Помогите мне с сеткой, – говорит коронер, и я придерживаю одну сторону тонкой сети. Он раскатывает ее под машиной, проходит на другую сторону и берется за сеть с другого конца. Затем затянутой в перчатку рукой осторожно открывает пассажирскую дверцу, а я – водительскую. Илистая вода бьет наружу, точно из пожарного шланга, но этот поток быстро иссякает до едва журчащей струйки. Уинстон аккуратно вытягивает сеть на свою сторону, чтобы собрать возможные улики, которые могли в нее попасть, потом относит сеть в сторону, дабы выудить из нее все, что может размокнуть окончательно, если не просушить: в частности, бумагу. Я передвигаю фонари так, чтобы они освещали салон машины. По-прежнему не смотрю в сторону заднего сиденья, хотя меня тянет туда, словно магнитом. Краем глаза вижу смутные бледные пятна, но знаю, что если посмотрю на них прямо, то уже не смогу отвести взгляд.

Сосредотачиваюсь на передней части салона.

Сиденье придвинуто вперед, и это означает, что за рулем был человек небольшого роста. На полу со стороны пассажирского сиденья, наполовину утонув в иле, валяется коричневая женская сумочка – бесформенное вместилище в стиле «хобо», выглядящее плотно набитым изнутри. Я делаю пометку, фотографирую сумку на месте обнаружения, потом кладу ее на сиденье. Ситуация выглядит плохо. Ни один водитель, ни одна мать не бросит сумку вот так. Мои инстинкты сразу же заявляют о том, что это было похищение.

Осторожно открываю сумку; хотя ее содержимое пропиталось водой, однако не размокло совсем, и это дает веские основания предположить, что в воде она пробыла не так уж долго. Я извлекаю бумажник и открываю его.

– Шерил Лэнсдаун, – читаю вслух, хотя не знаю, какое это имеет значение для тех, кто может меня услышать. Положив раскрытый бумажник на сиденье, я фотографирую водительское удостоверение. Шерил двадцать семь лет, она худощава, изящна и довольно симпатична. Светлые волосы уложены в мягкие локоны, ниспадающие до плеч. Кожа тоже светлая, хотя и тронута загаром. Не самая худшая фотография на права из тех, которые мне доводилось видеть. Я открываю свой блокнот и записываю имя и адрес. Это будет мой следующий пункт назначения. Я заранее готовлюсь к встрече с родственниками.

Больше переднее сиденье не может дать мне никаких улик. Обивка выглядит чистой, и если на ней и была кровь, то вода в пруду смыла ее. Следственная бригада проверит наличие следов. Я открываю «бардачок», достаю из него отсыревшие бумаги и передаю Уинстону, чтобы он смог высушить и спасти их. Судя по всему, все стандартно: страховка, регистрация, инструкция по эксплуатации и обслуживанию.

Больше отвлекаться мне не на что, и я чувствую, как узел у меня в груди стягивается все туже и туже.

Я делаю глубокий вдох и концентрирую внимание на том, что находится на заднем сиденье.

Моя первая мысль: «Какие они бледные!». Да, это белые девочки, но сейчас их кожа неестественно белого цвета. Голубые глаза одной из них открыты, словно у куклы, но это не игрушка, и неправильность этого жалит меня изнутри, словно змея. Глаза второй девочки, зловеще похожей на первую, закрыты, на коротких ресницах висят капельки воды. Их одинаковые розовые наряды испачканы прудовой зеленью.

Они так ужасно неподвижны...

От подобного зрелища может вывернуть наизнанку даже бывалого копа. Но я не могу себе этого позволить. Один неверный шаг – и помощник шерифа будет без устали трепаться о чернокожей женщине, которая не в состоянии справиться со своими нервами. Я должна держаться не только ради себя – но и ради всех тех женщин, которые придут следом за мной.

– Никаких явных признаков ран или повреждений, – говорю. Теперь я действительно смотрю на них, не в силах отвести взгляд. Промокшие волосы прилипли к крошечным головам – наверное, когда эти волосы просохнут, они будут белокурыми. У одной в волосах повязан желтый бантик, у другой бантика нет. Может быть, мать именно так их различала; я не могу заметить никаких других отличий. С трудом сглатываю. – Уинстон?

Коронер подходит ближе.

– Пена на губах и в уголках рта, – отмечает он, – но я пока не готов делать выводы.

Он говорит мне, что, по его мнению, они утонули, и это... еще хуже. Беспомощные дети, пристегнутые к креслам, плакали и кричали, когда машина съезжала в пруд и погружалась под воду. Холодная вода хлынула в открытые окна и щели дверей, и салон быстро заполнился...

Кто-то хотел, чтобы эти дети мучились. Или, по крайней мере, плевать хотел на их предсмертные мучения.

Здесь больше нечего осматривать, но я по-прежнему не могу отвести взгляд. Девочка с закрытыми глазами выглядит так, словно просто спит – если не считать воды, капающей с ее волос и со штанин розовой пижамки. Мне доводилось покупать детскую одежду, и я видела в продаже точно такие же пижамки.

Я отхожу прочь. Во рту у меня кислый привкус; болотная вонь, витающая в воздухе, забивает ноздри. На мгновение я ощущаю дурноту и обнаруживаю, что моя ладонь прижата к животу. Не знаю, пытаюсь ли я успокоить себя или ребенка в моем чреве.

– С вами все в порядке? – спрашивает Уинстон.

– Конечно, – лгу я. – Позвоните мне, когда будете готовы заняться ими.

– Это может быть нескоро, – предупреждает он меня. – До этого, еще вечером, мне поступили две подозрительных смерти.

Я пристально смотрю ему в глаза.

- Другие случаи могут подождать.

Он медлит несколько секунд, потом, поморщившись, отвечает:

- Ладно. Вы уверены, что хотите присутствовать при вскрытии? Это довольно тяжело. Я могу просто прислать вам отчет.

«Кто-то должен быть свидетелем», - думаю я. Эти две девочки умерли в одиночестве, с ними не было даже их мамы. В одиночестве, в холоде и в ужасе. Отстоять эту одинокую вахту - самое меньшее, что я могу сделать для них.

- Я буду присутствовать, - отвечаю. - Позвоните мне, когда готовы будете начать.

Уинстон кивает. Помощник шерифа вылезает из своей машины и говорит:

- Я огорожу место происшествия. Вы хотите, чтобы пруд обыскали?

- До последнего головастика, если он там есть, - отвечаю я ему. - Побудьте здесь, пока не придет смена. Никуда не уезжайте.

Он кивает - жалкий, замерзший, чертовски несчастный, - однако спорить со мной не собирается.

И не станет.

Я направляюсь вдоль по дороге, пока Уинстон загружает два безвольных трупика, все еще пристегнутые к детским креслам, в коронерский фургон. Усевшись в свою машину и захлопнув дверцу, я некоторое время просто сижу, часто дыша и пытаюсь унять дрожь. Ощущения - как от декомпрессии после прогулки по дну глубокого моря. Я обнаруживаю, что втягиваю воздух короткими глотками - и вынуждаю себя замедлить дыхание. Мои руки сжимают руль слишком крепко.

Мне нужно поехать в городок Вэлери, где живет Шерил Лэнсдаун. Надеюсь, там отыщется кто-нибудь: муж, отец, мать. Не то чтобы я жаждала сообщить им самую худшую новость в их жизни. Факт заключается в том, что каждый день, по долгу службы, я вижу людей в тяжелой ситуации, но ничто не бывает труднее, чем сообщить кому-то о смерти близких.

Однако я не могу отмахнуться от этого долга – как и от присутствия на вскрытии. Не могу просто сбежать и при этом остаться собой.

Я включаю двигатель машины и выезжаю на основную дорогу.

4

ГВЕН

Я возвращаюсь домой еще до рассвета, но Сэм уже на ногах; входя, я слышу, как он принимает душ. Кладу сумку, сбрасываю куртку и тихонько иду по коридору. Проверив, как там дети, обнаруживаю, что они все еще крепко спят, и тогда я прохожу в кабинет. Тревога Кец передалась и мне, и хотя я сильно устала, я не могу лечь и подремать еще полчаса. Я не могу удержать Ланни от глупого риска, но, может быть, если смогу хоть немного облегчить тяжесть, лежащую на плечах Кеции, то буду чувствовать себя не настолько беспомощной.

Открываю свой ноутбук и ввожу логин и пароль, подключаясь к рабочему серверу. Одна из сомнительных привилегий моей работы – возможность по номеру сотового телефона отследить его появление в радиусе действия той или иной вышки связи, а иногда – только иногда – проследить за его движением. Это не совсем законно, но подобные службы дают возможность воспользоваться лазейками в законодательстве, если ты знаешь, на какие кнопки нажимать. Это черный ход для таких людей, как я, – для тех, кто умеет им воспользоваться.

Кеция переслала мне текстовую транскрипцию звонка и аудиофайл. Я переношу то и другое на свой ноутбук и щелкаю по обоим файлам. Слушая запись, одновременно читаю транскрипцию.

– «Девять-один-один» слушает, что у вас случилось? – Меня всегда изумляет, сколько скуки и нетерпения одновременно звучит в голосе большинства операторов экстренной службы. И мужчины, и женщины – на этот раз я слышу низкий мужской голос – отвечают на звонки с отчужденностью, которой я иногда завидую. – Алло?

Второй голос слышится слабее, но мне кажется, что он тоже звучит достаточно низко. «Мужчина?» – думаю я.

– Нужна-а, чтобы кто-то приехал на пер'кресток Криз-роуд и Пожарной просеки двена-адцать, – говорит он. – Тут что-то творитсо.

Самое важное, что я выношу из этой фразы, – то, что акцент фальшивый. Очень фальшивый. Определенно плохая попытка изобразить сельский южный говор. Даже у Ви Крокетт, которая разговаривает с самым ужасным акцентом, какой я слышала, эта фраза не прозвучала бы так.

– Что происходит, сэр? – Судя по голосу оператора, ему абсолютно все равно. Но он, по крайней мере, спрашивает.

– Там машина оста-ановилась, я слышал крик. Если женщина за рулем тута одна, всякое может случитцо. Лучше прислать кого-нть.

Я напрягаюсь. До этого момента звонивший не упоминал о женщине. Да, он мог слышать крик. Но все равно в этой фразе есть что-то странное. Так же, как и в его тоне... почти безэмоциональном.

– Сэр, вы можете описать машину или водителя... – Возможно, оператор тоже что-то уловил, потому что в его голосе неожиданно прорезается заинтересованность и даже беспокойство.

Но звонивший уже вешает трубку. Я слышу, как оператор пытается перезвонить ему. Никто не отвечает. Но оператор все же сумел засечь номер, и я смотрю на запись в текстовой транскрипции. Есть. Кеция почти наверняка права: это, скорее всего, одноразовый телефон, но, по крайней мере, я смогу проследить, в радиусе действия каких вышек он отмечался, если звонивший не избавился от него немедленно.

Вхожу в поисковую систему, созданную по заказу Джи Би Холл, и вызываю частную программу; она подключена ко всем операторам в регионе и очень помогает в нашей работе. Как я и говорила: не совсем легальное ПО, но и не нелегальное. Это весьма темный оттенок серого, который рано или поздно будет полностью запрещен новыми законами, однако правительство работает слишком медленно, чтобы успеть за многочисленными инновациями в области информационных технологий. Частным детективам не нужны ордера и гарантии – хватает и пользовательских сообщений, раз уж мы платим за использование данных.

Я ввожу телефонный номер в нашу базу данных в другом окне, но, как и ожидалось, на этот номер не зарегистрировано ничье имя или адрес. Я снова переключаюсь на программу отслеживания и пробую задействовать ее.

Слежу, как программа подсвечивает путь звонка. Ничего удивительного в том, что он идет через вышки вблизи озера Стиллхауз, но интересно другое: когда звонок поступает, телефон уже движется прочь от того пруда, где была обнаружена машина, – и совсем по другой дороге, чем та, возле которой находится пруд. Логично предположить, что автомобиль звонившего сделал как минимум один поворот, удаляясь от места преступления... если он вообще был на той дороге. Человек продолжает двигаться, но не в сторону Стиллхауз-Лейк и не в сторону Нортон. Он придерживается узких проселочных дорог, потом сворачивает на восток.

У меня возникает неприятное предчувствие, когда я вижу, как объект целенаправленно движется вперед. Я знаю, куда он направляется, – и, конечно же, сигнал засекается вблизи от крупной автострады.

Потом я полностью теряю след. Звонивший наверняка выключил телефон и вытащил аккумулятор; он должен был сделать это перед тем, как выехать на шоссе. Направился он на север или на юг? Я никак не могу это узнать, если он не включит телефон снова.

«Если только он уже не выбросил его», – думаю я. Представляю, как он опускает окно и швыряет телефон на обочину дороги. Я отмечаю координаты последнего сигнала. Возможно, следует взглянуть на это место. Если Кец сможет найти сам телефон, в нем могут оказаться логи звонков, фотографии, текстовые сообщения, другая интересная информация – и, может быть, на нем остались следы ДНК, не говоря уже о старомодных отпечатках пальцев.

Этот человек явно развлекался – так мне кажется, – и по коже у меня пробегают мурашки. Он сказал вполне достаточно, чтобы подразнить экстренные службы, но недостаточно, чтобы выдать что-то полезное. Честно говоря, я искренне удивлена, что оператор 911 вообще выслал патруль или что окружному копу повезло засечь утонувшую машину. Господь желал, чтобы этих детей нашли? Но что насчет водительницы машины? Я представляю, как мать, связанная, с кляпом во рту, извивается на заднем сиденье другой машины, полузадушенно крича от страха за своих дочерей. Надеюсь, она не знает, что с ними случилось... хотя не ведаю, что мучительнее: быть в курсе, какая судьба постигла ее детей, или понятия не иметь об этом. Я не могу себе этого представить – и не хочу представлять. Это слишком близко мне. Я искренне думала, что когда мои дети вырастут и станут более независимыми, я буду меньше тревожиться о них. Вместо этого я обнаружила, что без конца перелистываю в уме каталог всевозможных несчастных случаев, и теперь он стал намного обширнее, чем прежде, потому что я не могу защищать своих детей так, как защищала раньше.

Может быть, я ошибаюсь насчет похищения. Есть другая, более жуткая вероятность: что сама эта женщина направила свою машину в мутную воду пруда и смотрела, как ее дети страдают и умирают. А потом уехала прочь на другой машине, которая уже ждала ее поблизости...

Не хочу даже думать, какой из вариантов хуже.

Но в таком случае – зачем звонить в 911?

Я прикладываю к электронному письму всю информацию, которую мне удалось добыть, и пересылаю его Кеции – с примечанием, что если ей что-нибудь понадобится, я всегда на связи. Пока ответа нет, но я и не жду его. Надеюсь, что она закончила с обследованием места преступления и смогла хоть немного отдохнуть... но знаю, что это маловероятно. Если совершено убийство, следователям нужно действовать быстро.

Я вздыхаю, встряхиваюсь и собираюсь закрыть ноутбук, но мое внимание привлекает сигнал о поступившем сообщении. Оно пришло с незнакомого адреса, но я время от времени получаю что-нибудь от других детективов – обычно это клиентские запросы или данные; в последнее время таких сообщений стало больше. Я смотрю на сообщение, и оно меня не особо беспокоит; тролли, которые преследовали меня и детей, похоже, переключились

на другие объекты, хотя некоторые из них время от времени все равно норовят потыкать в меня палочкой.

Я слишком поздно понимаю, что это сообщение – не клиентский запрос. Не от коллеги или другого детектива.

Теперь уже слишком поздно останавливаться и не читать его, поэтому я продолжаю.

Ты всегда в моих мыслях. Хотя, на самом деле, не в первых строках этого списка. Какое странное совпадение, что наши пути пересеклись сейчас... Это делает все куда более сложным и куда более интересным.

Единственное, что меня удерживает, это сомнение – сомнение, действительно ли ты виновна и действительно ли помогала Мэлвину Ройялу совершать те ужасные преступления. Но у меня есть достаточно причин считать тебя виновной. Я знаю, что один раз тебе все сошло с рук. Проверим, действительно ли ты невинна, Джина Ройял. Раз и навсегда.

Надо отдать ему должное – он красноречив. Правильные, грамотные обороты речи, что весьма необычно для таких посланий. В письме нет фетишизации, которой грешит большинство других троллей; он не рассказывает мне, как намеревается мучить меня, убить меня, убить моих детей. В этих строках есть некая взвешенная рациональность, которая тревожит меня сильнее, чем все стандартные фантазии об убийстве и мести.

Я смотрю на его протокол отправителя, но это лишь безликий набор букв и цифр. Большинство троллей весьма беспечны в том, что касается поведения в Интернете. Они используют свои не особо хитрые фальшивые идентификаторы – полностью или частично – в других, более обычных местах. Я так поймала одного, который просто поменял две цифры в конце своего сетевого псевдонима и писал под ним на хоккейных форумах, используя обычный протокол; по этим данным я смогла отследить его настоящее имя, адрес и место работы. Я ничего не делала с этой информацией, просто сохранила ее... на тот случай, если дальше будет хуже.

На данный момент я выследила примерно шестьдесят процентов своих преследователей. Остальные сорок умнее, хитрее и лучше умеют троллить. Но в конце концов они или тоже облажаются, или соскучатся и переключатся на что-то еще. Я играю в игру, занимающую много времени.

Но не уверена, что этот конкретный тролль такой же, как остальные. Он тревожит меня на совершенно иной лад. Он оригинален. И умен. Мне нужно воспринимать его всерьез. И еще мне нужно сказать Сэму и предупредить полицию Ноксвилла.

Я распечатываю послание на принтере и закрываю ноутбук. Остается еще полчаса до того времени, как мне нужно будет готовить завтрак и будить детей – а это всегда нелегко, учитывая, что все они «совы». У меня отличные дети, они очень любят друг друга, но сейчас находятся в том возрасте, когда каждая мелкая обида кажется смертельной раной, и в последние несколько дней посещают школу еще более неохотно, чем прежде. Мне казалось, что они хорошо приспособились к новому месту жительства, новым школам, новым друзьям... но я постоянно беспокоюсь – не упустила ли я чего-нибудь?

Уделяю минуту на размышления об этом, потом тянусь за телефоном и набираю номер.

– Офис доктора Кэтрин Маркс, чем могу вам помочь? С вами говорит ее секретарь.

Конечно же, еще слишком рано для того, чтобы доктор Маркс была у себя на работе. На миг я чувствую себя глупо, но потом понимаю, что просто туплю от усталости. Я слишком мало спала, и мне нужно больше кофе.

– Здравствуйте, – говорю я. – Мне просто нужно записаться на прием к доктору Маркс для семейной консультации на этой неделе. Гвен Проктор, я уже клиент доктора Маркс.

– Хорошо, могу вас записать. Это срочная необходимость, мэм?

– Нет.

«Надеюсь».

– В среду в четыре часа подойдет? Кто из ваших родных, кроме вас, будет присутствовать?

– Я, Сэм Кейд и наши дети Ланни и Коннор Прокторы.

Мне кажется, будет лучше, если мы сделаем это вместе. У меня ощущение, будто между нами пролегают трещины – тонкие, почти незаметные. Я хочу не дать им разрастись. У детей уже есть свои терапевты, но мы с Сэмом посещаем Кэтрин Маркс довольно регулярно, чтобы попытаться справиться с нашими глубоко укоренившимися травмами.

Никто из нас не отрицает эти травмы.

К тому моменту, как я подтверждаю время назначения, Сэм выходит из ванной, обмотавшись полотенцем, на его мокрых волосах блестят крошечные капельки воды. Честно говоря, выглядит он невероятно, и я, сидя на кровати, бесстыдно глазею на него, пока он сбрасывает полотенце и протягивает руку за одеждой. Сэм это замечает.

– В самом деле? – спрашивает он с поощрительной ноткой. – Ты же знаешь, что я не могу опаздывать. Частный клиент, деньги на счету...

– Знаю, – отвечаю я. – Просто наслаждаюсь зрелищем.

Мы отлично понимаем друг друга – по крайней мере, в большинстве случаев. Иногда возникает непонимание, это неприятно, но не в таких же мелочах? Мы уже давно миновали эту стадию. Это мило и даже весело.

– Как дела у Кеца? – спрашивает Сэм, натягивая через голову синюю футболку. – Обычно она не звонит тебе в такое время.

– На нее свалилось трудное дело, – отвечаю я ему. – Ты, наверное, услышишь об этом в новостях. Погибли две маленькие девочки – они были пристегнуты на заднем сиденье машины, утонувшей в пруду. Водитель так и не найден.

Сэм медлит, прежде чем надеть поверх футболки фланелевую рубашку.

- Его - или ее - похитили? Или ты считаешь, что это был несчастный случай? Или что еще?

- Бог знает, - говорю я. - Звонок в «девять-один-один» был, несомненно, подозрительный. Жутковато даже слушать его.

- И Кец попросила тебя помочь?

Я пожимаю плечами и не отвечаю, потому что не знаю, насколько глубоко окажусь втянута в это дело. Сэм присаживается, чтобы зашнуровать ботинки.

- А какие у тебя планы на день? - спрашиваю я.

- В восемь тридцать частный урок. Клиент обучается нормально, неожиданностей быть не должно. После обеда - занятия на симуляторе для «А-триста двадцать».

Я знаю, что симуляторы сильно выматывают, но Сэм по большей части наслаждается ими. Стресс создает тот факт, что все занятия записываются в его личное дело и влияют на его возможность добиться того, к чему он стремится. Однако я знаю, что он упорен и хорош в своем деле. У него все будет в порядке.

Размышляю, не рассказать ли ему о новом опасном тролле, но, честно говоря, не хочу отравлять Сэму весь день. Лучше поговорить об этом вечером, когда мы оба будем дома, отдыхать от дневных хлопот.

Я направляюсь в кухню. Сегодня моя очередь готовить завтрак, и я делаю яичницу с беконом и тосты. Сэм быстро ест и уходит. Дети, как обычно, не желают просыпаться, но я заставляю их встать и одеться, а потом удостоверяюсь, что они съели достаточно, чтобы им хватило сил на долгий день в школе. Слава богу, они почти не упрямятся.

Дети еще не заканчивают завтракать, когда раздается звонок в дверь, и мне приходится отключить сигнализацию, чтобы впустить Ви Крокетт. Она одета в пижаму, на ней огромные и нелепые домашние тапки в виде ступней «снежного

человека»; бог весть, как она добралась сюда, потому что наш дом находится в пяти кварталах от ее маленькой дешевой квартирki. Вероятно, пришла пешком. Ви плевать хотела на то, что думают люди. Эта мрачная защитная манера присутствовала у нее всегда: с того момента, как я впервые увидела ее в Вулфхантере, когда Ви была несправедливо обвинена в убийстве собственной матери. По мере взросления эта черта ее характера только усилилась. Теперь она уже почти взрослая.

Взрослая девушка, которая носит на улице огромные, потрепанные домашние тапки в виде лап йети...

– Завтрак? – спрашиваю я ее. Она зевает и кивает. На ее лице все еще видны следы блестящего макияжа после ночной тусовки в клубе. Ланни, по крайней мере, полностью смыла свою раскраску. – Тебе повезло, что хоть что-то осталось.

– Я не привереда, – отвечает Ви и подмигивает Ланни. – Сойдет что угодно.

– Скажи мне, что ты не шла всю дорогу вот в таком виде, – просит Ланни, когда Ви придвигает к столу стул Сэма, а я ставлю перед ней чистую тарелку. Вид у моей дочери неподдельно обеспокоенный, но Ви не отвечает, только набрасывается на яичницу с беконом, словно изголодавшаяся волчица. Кое-какие хорошие манеры у этой девушки есть, но обычно она не утруждает их показывать. И, честно говоря, есть что-то приятное в том, чтобы наблюдать за человеком, настолько полно живущим в настоящем – в этом конкретном моменте. Это, однако, не значит, что я не тревожусь о ней и о ее влиянии на мою дочь.

– Слушай, миз[4 - Миз – «госпожа...»; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае, если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.]Пи, – произносит Ви, – у вас нет кетчупа к яичнице?

Я протягиваю ей кетчуп, пытаюсь подавить содрогание.

– Ви, что ты делаешь сегодня?

– Ничо. – Она сует в рот порцию яичницы, политой кетчупом. – Воюю с патриархатом.

– Воюешь тем, что нигде не работаешь? – замечает Коннор. – Нормально.

– У меня есть работа, – отмахивается она от его слов. – По крайней мере, подработка.

Если это правда, то для меня это новость. С тех пор, как Ви добилась эмансипации, она пытается устроиться на ту или иную работу... спорадически. Мы дали ей денег, чтобы внести депозит за квартиру, и она сама добывает арендную плату – по счастью, невысокую. У нее вроде бы все в порядке. Я ей не мать и достаточно хорошо знаю ее, чтобы понимать: ей не понравится, если я буду давить на нее и расспрашивать ее. Вместо этого я наблюдаю. Не похоже, чтобы она была под воздействием алкоголя или наркотиков, и это хорошо. Я не могу удержать ее от того, что она намеревается делать, но должна дать ей понять, как я за нее беспокоюсь. И Ви действительно меня слушает. Она уже не то дикое, злобное, временами жутковатое дитя, с которым я познакомилась в Вулфхантере, – по крайней мере, отчасти.

Я рада прогрессу, пусть даже он идет мелкими шажками.

– Я получила письмо, – неожиданно объявляет Ви, достает из кармана пижамы упомянутое письмо и подталкивает его ко мне по столу. – Наверное, тебе надо его увидеть.

– Настоящее бумажное письмо, – замечаю я. – Ух ты, как старомодно!

– А то. – В ее выражении лица сквозит какая-то мрачность. Я смотрю на конверт; на нем аккуратно выведены имя и адрес Ви, но адреса отправителя нет. Достаю тонкий тетрадный листок и разворачиваю его.

Дорогая Вера Крокетт!

Не позволяй себя обмануть. Они не те, кем ты их считаешь.

И все. Как и следовало ожидать, подписи нет. И штамп на конверте тоже.

- Он пришло к тебе на дом?

- Угу. Этот козел знает, где я живу, и прицепил свою писульку к той ржавой штуке на двери, где вешают квитки о просрочке платы и все такое.

- Как ты думаешь, о ком он говорит?

Ви возводит глаза к потолку.

- Что, обязательно надо это проговаривать? У меня тут не так-то много друзей. По-моему, все ясно.

- Ты считаешь, что это о нас? Обо мне и детях?

- Ясен перец.

Я откладываю письмо и конверт в сторону. Они пойдут в мой архив. Я знаю, что это проблема, но пока не знаю, насколько серьезная.

- Ви, ты знала, что такое может случиться. Ты постоянно приходишь к нам, гуляешь с Ланни. Ты засветилась в новостях. Рано или поздно кто-то из троллей должен был заинтересоваться тобой. Хорошая новость в том, что девяносто пять процентов этих людей – трусы, которые не осмеливаются что-то предпринять. Они чувствуют себя храбрыми и крутыми, угрожая издали. – Это правда. Но я хорошо понимаю: это письмо не было прислано издали. Оно было прикреплено к ее двери. – Если ты хочешь, чтобы я отнесла это в полицию...

Хотя я отлично знаю, что ноксвиллская полиция просто отмахнется. В письме даже нет никаких угроз и каких-либо прямых утверждений. Просто расплывчатые фразы.

- Нет! – резко выпаливает она, как я и предполагала. – Сама разберусь.

Ви слишком много общалась с полицией за свою недолгую жизнь, а в Вулфхантере копы были такими же сволочами, как и преступники – а то и

похуже. Она не поверит человеку с жетоном, разве что в совершенно безвыходной ситуации. И, честно говоря, на этот раз подобное обращение было бы совершенно бесполезным.

Ланни берет Ви за руку и сжимает, успокаивая куда эффективнее, чем могла бы сделать я. Ви широко ухмыляется ей и складывает измазанные кетчупом губы, как для поцелуя. Ланни отшатывается.

- Фу! - восклицает моя дочь. - Какая гадость! Нет.

- Определенно нет, - говорю я. - Вытри рот, Ви.

- Ты не моя мама.

- А за стол ко мне ты усаживаешься так, как будто да. Вытри рот.

Она неохотно подчиняется. Ви не любит делать что-либо не по своей воле, и я надеюсь, что когда-нибудь она это перерастет. Может понадобится еще восемнадцать лет роста, прежде чем Ви обретет какое-нибудь подобие равновесия. Эта девушка мне нравится, я ее уважаю - и даже люблю в некотором смысле, - но отношусь к ней настороженно. Она состоит из сплошных острых углов, ее не обнимешь так, чтобы не пораниться. А я не хочу, чтобы мои дети - и особенно Ланни - поранились.

«Тогда тебе не следовало псевдоудочерять ее», - говорю я себе. Справедливо. Но я не могла просто бросить ее в тот момент, когда она готова была сорваться в штопор саморазрушения. По крайней мере, теперь у нее есть шанс. И кто-то, кто присмотрит за ней.

- Мне нужен ствол, - заявляет Ви. - Для защиты.

«О черт!»

- Не так быстро, - говорю я ей. - Если он тебе нужен, ты должна следовать тем же правилам, что и все в этом доме. Ты должна пройти обучение, и я не имею в виду эти дурацкие сетевые курсы стрельбы. Ты должна ходить в тир и хорошо научиться стрелять, а потом продолжить тренироваться, чтобы поддерживать

форму. Понятно?

У меня нет власти заставить ее сделать так; Ви может просто фыркнуть в ответ на мои слова и сделать так, как сама захочет. Но она сидит за моим столом, и я говорю с ней самым строгим своим тоном.

К моему удивлению, это срабатывает; Ви несколько секунд задумчиво жуёт яичницу, потом произносит:

– Ну, я мало что знаю насчет стволов. Может, и правда кто-то вроде тебя должен сказать мне, что и как надо делать.

– Огнестрельное оружие – для нападения. Оно не сможет защитить тебя. Оно не для того, чтобы хвастаться. Единственное, что оно может – и может это хорошо, – это убить кого-то, кто, как ты считаешь, пытается убить тебя, и не дать ему это сделать. В этом-то и проблема – в суждении. Потому что ты должна быть готова принять это решение за долю секунды, не имея достоверной информации, в ситуации, когда в твоей крови бурлит адреналин, когда ты испугана до смерти.

– Но у тебя есть ствол, и не один, – говорит Ви, к моему удивлению, без всякой враждебности.

– Есть. Потому что я должна защищать детей. И потому что я не романтизирую оружие. Это не средство почесать свое самолюбие, Ви. Это инструмент для убийства, и вред, который оно причиняет, – настоящий и жестокий. Иногда необратимый.

– Знаю, – говорит Ви. И она действительно это знает, она видела уже слишком много подобных вещей. – Но мне кажется, оно нужно мне, миз Проктор. И я хотела бы, чтобы ты помогла мне раздобыть ствол.

Она говорит это без обиняков, и я чувствую пристальный взгляд Ланни, направленный на меня. У Ланни нет пистолета, но она раз в неделю посещает занятия; мы с ней упражняемся вместе. У нее тоже есть хороший шанс.

– Давай договоримся, – обращаюсь я к Ви. – Ты ходишь вместе с нами заниматься в тир, начиная с сегодняшнего вечера. Купишь пистолет только тогда, когда я скажу, что ты к этому готова, то есть когда тебе по всем документам исполнится восемнадцать лет. И когда ты его купишь, продолжишь упражняться. Я проверю. Понятно?

Она кивает и не отвечает, слишком занятая тем, чтобы жевать. Я не уверена, что приняла хорошее решение. Ви Крокетт – личность нестабильная, у нее случаются непредсказуемые пики и спады, прежде она проявляла склонность к причинению вреда себе – посредством таблеток, выпивки и просто безрассудного поведения. Но помимо этого, она уязвима, и это письмо – признак того, что что-то грядет. Тот факт, что этот человек знает, где она живет... тревожит меня.

Сейчас это лучший выбор, какой я могу сделать.

Ви приканчивает свой завтрак, и я предлагаю подвезти ее до ее квартиры, чтобы ей не пришлось идти обратно в этих нелепых тапках. Она соглашается.

Когда дети уходят на занятия, в машине остаемся только мы с Ви. Я говорю:

– У тебя уже есть пистолет, верно?

Она вздрагивает и слишком резко оборачивается.

– С чего ты взяла?

– С того, что я знаю тебя, Ви. Ты никогда не просишь разрешения. Ты предпочитаешь просить прощения – иногда.

Ви пожимает плечами и отворачивается, но я вижу на ее щеках румянец.

– Это мое дело, – произносит она. – Разве нет?

Это так. Ви Крокетт добилась эмансипации и теперь считается взрослой, хотя по закону она еще не может владеть огнестрельным оружием, но я не собираюсь ее бранить. Во все времена жизнь женщины подвергалась опасности, и это просто

факт жизни.

– Нынче утром ты сделала это и моим делом. Сегодня вечером я еду в местный городской тир. Возьму тебя с собой, и мы посмотрим и на твой пистолет, и на то, как ты с ним обращаешься. Ладно?

Она колеблется, потом кивает, крепко сжав зубы. Ей не нравится все это: я слишком близко подошла к границам ее послушания. Еще меньше ей понравится, когда мы окажемся в тире, но я намерена обучить ее должным образом.

Когда я останавливаю машину перед многоквартирным домом, где живет Ви – это дешевое, но чистое место, – она, не сказав больше ни слова, вылезает из автомобиля и идет прочь в своих огромных тапках, спадающих с ног. Мужчина, курящий на тротуаре перед домом, бросает на нее долгий оценивающий взгляд. Она жестом показывает ему «отвали», отпирает дверь и захлопывает ее за собой.

Мне не нравится выражение лица мужчины, и я сижу в машине, припаркованной на стоянке, пока он не выкидывает окурок и не направляется в дом. Я отмечаю, в какую квартиру он пошел.

Я подозрительная сука, но опыт показывает, что это полезная черта характера.

5

КЕЦИЯ

Когда я добираюсь до городка, где жила Шерил Лэнсдаун, еще только-только начинает брезжить рассвет. Вэлери представляет собой несколько ухабистых улиц, вдоль которых стоят обшитые досками дома. Поток переселенцев, затопивший после урагана «Катрин» Нортон и Стиллхауз-Лейк, сюда не добрался. Выглядит городок уныло, но, возможно, виной просто утренний сумрак. Немногочисленные уличные фонари борются с ним и проигрывают.

Поскольку я знаю такие городки, я в курсе, что все, кто уже проснулся, будут тарачиться на мою машину, проезжающую по улице. В таких городках все знают всех, и каждое транспортное средство давным-давно известно любому. Я замечаю свет в нескольких домах, мимо которых проезжаю, потом делаю еще два поворота и останавливаюсь перед домом, где, согласно нашим данным, живет Шерил Лэнсдаун. На подъездной дорожке не вижу больше никаких машин. Однако в доме горит свет, пробиваясь сквозь белые шторы. Дом выглядит куда приятнее, чем я ожидала, он больше соседних. Я паркуюсь и выжидаю пару секунд, чтобы приготовиться. Неизвестно, что случится: или я найду человека, который будет в шоке от ужасных новостей, или обнаружу что-то еще, что поможет прояснить загадку, или не найду вообще ничего. Я устала, но должна заставить свои мозги мыслить ясно.

Воздух на улице холодный, но я признательна хотя бы за то, что в нем нет стоялой вони, как у того пруда. Делаю несколько вдохов, направляясь по дорожке к дому. Лужайка немного заросла, ее не мешало бы подстричь – но не так чтобы сильно. Подхожу к двери и ищу кнопку звонка. Ее нет, поэтому я стучу – сильными, решительными ударами. Нет повода колебаться.

Слышу, как к входной двери с той стороны с лаем подбегает пес. Судя по голосу, мелкий. Я делаю пометку в своем блокноте и надеваю перчатки для сбора улики, прежде чем прикоснуться к дверной ручке. Однако вряд ли нам удастся найти на ней что-то особо ценное, поэтому я берусь за нее и дергаю.

Заперто.

В доме не зажигается новых огней.

Просто на всякий случай я снова стучу – громче и дольше. Ответа нет, хотя в соседних домах загорается несколько окон. Я разбудила весь чертов городишко. Круто.

Обхожу дом, аккуратно подсвечивая себе фонариком, и, конечно же, нахожу черный ход. Он тоже заперт. Я пытаюсь рассмотреть что-нибудь через занавески, но не вижу ничего особенного, только явно расстроенного пса, который вбегает в кухонный уголок и наступает на свою миску, рассыпая по полу сухой корм. Кажется, это какой-то мелкий терьер. Похоже, милый и преданный пес.

Что бы ни случилось с Шерил Лэнсдаун, безопасностью в доме она не пренебрегала; многие жители глубинки оставляют окна открытыми, а двери незапертыми. Но она заботилась о сохранности своего жилья. Так почему же увезла своих детей отсюда куда-то на проселочную дорогу в глухой ночи? Не знаю. Я не видела в той машине чемоданов или хотя бы сумки с подгузниками. Она не могла решить куда-то уехать, иначе не оставила бы гореть свет в доме, не бросила бы пса одного. Это довольно просторный дом, и я сомневаюсь, что у нее были лишние деньги на оплату счетов за электричество, потраченное зря. В таких городах их ни у кого не бывает.

Я отступаю от двери черного хода и снова обхожу дом. Все окна заперты.

Здесь нечего делать. Я не вижу вообще ничего подозрительного.

Возвращаюсь в свою машину и уже завожу мотор, когда вижу, как дверь соседнего дома открывается и наружу выходит крупного сложения пожилой мужчина в клетчатом халате; остановившись, сосед Шерил смотрит на меня. Я опускаю окно и жестом приглашаю его подойти. Он идет ко мне решительной тяжелой походкой, останавливается в паре шагов от машины и продолжает смотреть. Это белый мужчина с морщинистым лицом и красным носом пьяницы – хотя, возможно, это от холода или от простуды.

– Чего вам тут надоть? – без обиняков спрашивает он меня. Я достаю свой жетон и показываю ему. Это экономит время. Его настроение слегка меняется: теперь он видит не подозрительную чернокожую женщину, а подозрительную чернокожую женщину с жетоном. Я знаю, что в кармане халата у него лежит пистолет; это совершенно очевидно.

Мужчина ворчит и потуже затягивает разлохмаченный пояс.

– Ну, вы не местная, – замечает он. Нет, я не местная. В этом маленьком городке наверняка почти нет чернокожих жителей: наследие закона, официально действовавшего вплоть до шестидесятых годов – по этому закону с наступлением темноты цветным запрещалось выходить из дома. Неофициально многие до сих пор поддерживают этот закон.

– Я детектив Кеция Клермонт из полиции Нортон, – говорю ему. – Вы знаете свою соседку вот из этого дома?

– Шерил? Конечно. У нее две маленькие девочки. Миленькие, таких редко увидишь. – Настроение его снова меняется, теперь он явно встревожен. – С ней все в порядке?

– Ее нет дома, – отвечаю я ему. – Она живет одна?

– Одна – с тех пор, как этот тупой козел ее бросил. Он куда-то уехал больше года назад.

– Как его имя? – спрашиваю я и записываю с его слов: «Томми Джарретт». – Вы не знаете, куда переехал мистер Джарретт?

– Куда-то туда, около Нортон; кажись, у него там родные.

Интересно. Я не знаю в окрестностях Нортон никаких Джарреттов.

– А как ваше имя, сэр? – вежливо спрашиваю я, показывая, что к нему у полиции претензий нет. Он расслабляется.

– Хайрам Траск. Мы с моей женой Эви живем вот тут. – Он указывает на дом, из которого вышел: дом этот меньше, чем жилище Шерил, и пребывает в худшем состоянии. – Когда я последний раз видел Шерил, она уезжала куда-то с девочками. Она время от времени делает это, когда те капризничают. Говорит, что шум машины их убаюкивает. Она что, попала в аварию?

– Я это проверяю, – отвечаю я ему и деловито записываю цвет и модель машины Шерил, которые он мне называет, хотя я и так уже это знаю. Я не хочу давать ему каких-либо поводов для жалоб. – Спасибо вам за помощь, мистер Траск. Всего вам доброго, до свидания.

Он кивает и отходит назад, а я задним ходом выезжаю с подъездной дорожки и направляюсь к Нортону. Он смотрит мне вслед до самого поворота, дабы убедиться, что я уехала. Ничего другого я и не ожидаю.

Ехать до Нортон не так далеко, и я уже уверена в одном: у меня есть след. Томми Джарретт, если он был отцом девочек, мог желать смерти как Шерил, так и детям, особенно если ему приходилось платить алименты. По крайней мере,

следует проверить этот вариант. Всегда начинай с человека, который жертве ближе всего, а потом раскрывай поиски все шире.

Но прежде чем успеваю доехать до полицейского участка, дабы поднять информацию по Шерил Лэнсдаун и Томми Джарретту, я получаю еще один звонок. Из морга.

– Привет, это Уинстон, – говорит коронер. – Я подготовил ваших девочек. Вы придете?

– Да, – отвечаю я, не давая себе времени передумать. – Я скоро буду.

* * *

Офис окружного coronera располагается в здании Нортонского похоронного бюро. Я нажимаю старомодную кнопку звонка и жду до тех пор, пока не раздастся скрежет засова. Уинстон, налегая изо всех сил, открывает передо мной дверь, и я ныряю в проем прежде, чем она захлопывается.

В помещении воняет дезинфицирующими средствами, со слабой ноткой чего-то еще. Залежалого мяса, как в лавке мясника. Как обычно. Я делаю глубокий вдох, потом другой, пытаюсь привыкнуть к этой вони, чтобы она стала фоном, чем-то обычным.

На самом деле это никогда не срабатывает.

Уинстон – человек молчаливый. Он просто направляется по коридору, отделанному деревянными панелями, и сворачивает налево, где находится тесная рабочая зона окружного coronera. Здесь нет ничего ужасного, и Уинстон поддерживает порядок на высшем уровне. Сверкающий металл, сияющий фаянс. Выложенные идеально аккуратными рядами ножи, пилки и иглы, и все такое прочее. Уинстон подходит к работе ответственно, пусть даже ему платят гроши – две трети того, что получает коронер в каком-нибудь Эвермане, хотя подготовка и опыт у них одинаковые. Мы не говорим об этом.

Уинстон кивает направо, где лежит несколько упакованных и запечатанных бумажных мешков.

– Там их одежда, – говорит он. – Кресла я оставил как есть; срезал ремни безопасности как можно ближе к боковой части, на тот случай если в застёжках осталась чужая ДНК.

Два детских автокресла все еще сырые, но Уинстон поставил их на стерильные полотенца, чтобы впитать то, что с них стекает. Пока что я не трогаю их и поворачиваюсь к единственному столу для вскрытия.

Он еще пуст.

– Вроде бы вы говорили, что готовы. Где они? – Я чувствую, как маслянистая тошнота пузырится у меня в желудке. Я могу выдержать гадкую ситуацию, но терпеть не могу ожидать ее.

– Уже после звонка возникла проблема. Мне нужно добыть другие весы, – тихо отвечает он. – Нужно взвесить трупы перед тем, как я начну работать. Встроенные в стол весы не регистрируют их вес. Я собирался позвонить в больницу и привезти детские весы, но кто знает, сколько это займет. Меня постоянно отшивают, говорят, что это не по протоколу...

Я так не могу. Я не могу позволить этим детям мерзнуть и дальше. Я знаю, что они лежат в темноте в мешках, и все во мне восстает против этой бесчеловечности. Ни часом дольше. Ни минутой дольше.

Я негромко говорю Уинстону:

– Есть способ это сделать. Я могу помочь.

Он сразу же понимает, что я имею в виду, и оборачивается, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Потом спрашивает:

– Вы уверены?

Я лишь киваю, поскольку не уверена, что смогу повторить это вслух. Я ощущаю холод и тяжесть этого ужаса, но одновременно в моей душе поднимается какая-то кошмарная, теплая нежность. Эти погибшие дети нуждаются в том, чтобы их обняли. В том, чтобы знать: кто-то заботится о них, пусть даже слишком поздно.

Уинстон помогает мне забраться на секционный стол. Поверхность стола холодная и пахнет хлоркой – настолько сильно, что мои глаза начинают слезиться. Я жду, пока коронер зарегистрирует мой вес, потом слышу, как он расстегивает «молнию» на первом мешке для трупов. Делаю глубокий вдох, закрываю глаза и протягиваю руки.

Холодный, безвольный груз прижимается к моей груди, и я инстинктивно обнимаю мертвое тело еще крепче. Мне плевать на то, что она уже не живая. Я просто хочу позаботиться о ней. Во рту у меня пересыхает, горло сжимается, и я чувствую, как под веками начинают скапливаться тяжелые слезы.

– Все в порядке, – шепчу я. – Я с тобой. Все в порядке. – Но обращаюсь как к этому погибшему ребенку, так и к тому, который едва-едва начал жизнь в глубине моего чрева. Обещание, которое я намерена попытаться выполнить вечно.

Я слышу, как Уинстон молча записывает общий вес, потом вычитает мой и забирает у меня девочку. На какой-то миг мне хочется воспротивиться, вцепиться в эту бедняжку и обнимать ее, пока она не согреется снова, – но я отпускаю ее.

Второе тело, такое же холодное и тяжелое, ложится в мои объятия, и на этот раз я не могу удержать слезы. Онемевшими пальцами приглаживаю подсохшие волосы девочки.

Да поможет бог тому, кто это сделал. Да поможет ему бог – потому что я намерена найти того, кто был на такое способен.

6

СЭМ

Мой клиент, занятие с которым назначено на восемь тридцать, – богатый пожилой мужчина, спокойно оплачивающий названную мной ставку и, по счастью, ответственно относящийся к своим обязанностям начинающего пилота.

Он приходит вовремя и подготовленным, и те полтора часа, в которые я его тренирую, проходят быстро. Десять часов утра, чудесный погожий день. Я загоняю «Сессну» обратно в ангар, мы завершаем урок, пожимая друг другу руки, и он уходит прочь бодрой пружинистой походкой.

Мое настроение тоже улучшается. Летать – невыразимое удовольствие для меня, что-то вроде терапии, которая приносит душе истинный покой. Когда я возвращаюсь на землю, это состояние быстро улетучивается, но оно действительно полезно мне.

Я составляю отчет, прежде чем уйти – на сегодня у меня больше не записано ни одного клиента, – и тут голос за спиной застаёт меня врасплох:

– Здравствуйте, вы Сэм Кейд? Летный инструктор?

Я оборачиваюсь и отвечаю:

– Да. В чем дело?

Я слегка резок, потому что не люблю, когда посторонние вот так подходят ко мне. Но потом немного успокаиваюсь, потому что он не выглядит подозрительно. Одежда на нем простого покроя, но дорогая: брюки цвета хаки, рубашка-поло и куртка-бомбер; наверное, он считает, будто в ней похож на летчика. Образ дополняют дорогие поляризованные очки в стиле «пилот». Это белый мужчина, молодой, лет тридцати. Коротко стриженные темные волосы едва видны из-под бейсболки с эмблемой клуба «Флорида гейторс».

– Я хотел узнать, не найдется ли в вашем расписании времени для меня, – говорит он. – То есть я хочу учиться летать. Меня зовут Тайлер Фарос.

– Извините, вы сейчас не вовремя, – отвечаю я ему. – Но мы можем назначить встречу и провести пробный полет со мной в качестве пилота, чтобы я мог объяснить вам весь процесс. Вам также нужно записаться на наземные тренировки. Это не очень дешево, и большинству людей требуется не меньше шести недель, чтобы их пройти, не считая собственно летного обучения. – Я излагаю это без запинки, потому что знаю последовательность наизусть. Мне часто звонят люди, считающие, что научиться летать – это легко и быстро. Мало кто лично приходит на летное поле, но меня не удивляют и такие случаи.

- О... - произносит он. - Прошу прощения. Полагаю, мне следовало позвонить перед тем, как прийти. - Голос у него не высокий и не низкий, с региональным американским акцентом, который я пока не могу распознать. Он протягивает руку, и я пожимаю ее. Мы почти одного роста, но за поляризованными стеклами очков я не могу рассмотреть выражение его глаз.

- Интересная фамилия - Фарос, - замечаю я. - Греческого происхождения?

Мое предположение, похоже, ничуть не задевает его.

- Ха, большинство людей не могут распознать такие тонкости.

Я пожимаю плечами.

- Я много путешествовал. - Полагаю, службу в армии можно описать и так. Повидать мир, поубивать людей... - Я дам вам бланки, которые нужно заполнить для поступления на наземное обучение, если вас интересует, хорошо?

- Вы тоже будете учить меня там?

- Я вполне могу это сделать. Обычно лучше, если один и тот же инструктор проводит наземную подготовку и летное обучение, поскольку тогда можно быть уверенным, что мы ничего не упустим.

- Думаю, это вполне годится, - отвечает он.

Мы входим в маленький офис, который я делю с несколькими другими инструкторами, и я собираю все нужные бланки и прайс-листы. Он медленно и внимательно просматривает их. Я чувствую себя чуть более спокойно - но ненадолго, и это странно. Обычно я неплохо разбираюсь в людях, но этого человека никак не могу распознать. В эмоциональном плане он - чистый лист. Полностью нейтрален.

У меня нет сейчас оснований сомневаться в нем, но в инструкторской работе есть одно правило: ты должен с самого начала оценить человека. Мне плевать, богат он или беден, раз уж в состоянии заплатить за урок, но дело не в этом... мне нужно видеть его характер, уровень напряженности или расслабленности.

Вдобавок в глубине моего сознания постоянно присутствует необходимость узнать, зачем тот или иной человек хочет летать. Я не хочу обучать самоубийцу или, хуже того, террориста.

Пока что он не похож ни на того, ни на другого, но что-то меня настораживает.

– Извините, мистер Фарос, но сейчас я не могу уделить вам больше времени, – говорю я ему наконец. – Мне нужно ехать по другим делам. Вы можете заполнить бумаги и переслать мне их, если решите пройти обучение.

– Хорошо, – кивает он, – я понимаю.

Мы снова пожимаем руки, но он не уходит – просто стоит и смотрит на меня. Я не могу понять выражение его лица.

Потом он произносит:

– Я знаю, кто вы.

«О господи». Я подбираюсь и отвечаю, стараясь сохранять нейтральный тон:

– Лицензированный пилот? Вам лучше надеяться, что это так, если вы хотите, чтобы я вас учил.

– Вы живете с женой серийного убийцы.

Я собирался отмахнуться от этого, видя, куда он клонит, но неожиданно чувствую, как волосы у меня на затылке встают дыбом, словно шерсть ощетинившегося волка.

– Гвен Проктор – моя семейная партнерша, а не его жена.

– С бывшей женой, я имел в виду, – говорит он. – Извините.

Я хочу проворчать в ответ что-нибудь еще, но не делаю этого. Просто жду. Я до сих пор не вижу от него проявления каких-либо особенных эмоций, даже сейчас,

когда большинство людей продемонстрировало бы что-нибудь... неловкость хотя бы.

– Я не намеревался вас оскорбить, – продолжает он.

– Вижу, – соглашаюсь я, и – чудо из чудес! – мой голос звучит совершенно ровно. – Так что да, вы знаете, кто я такой. И я предпочел бы не впутывать свою личную жизнь в работу, если вы не против.

– Конечно, – говорит он. – Извините. Я не должен был спрашивать.

– Все нормально, – говорю я. Раньше никто не давал мне определений через мои отношения с Гвен и детьми, и это неприятно. Я начинаю в очень отдаленной степени понимать, как постоянно чувствует себя Гвен. – Извините, мне действительно нужно идти. И, я думаю, вам лучше найти другого летного инструктора. Ничего личного, я просто... не хочу смешивать такие вещи.

В первый раз я вижу в нем проблеск чего-то похожего на чувства.

– Ничего. Мне жаль, что я вас побеспокоил. Я просто думал, что вы сможете мне помочь.

Я знаю, что не должен делать этого, но что-то в его подавленном тоне задевает меня. Я спрашиваю:

– Помочь с чем?

– Я... – Он делает вдох, потом медленно выдыхает, прежде чем выговорить следующие слова: – Моя сестра тоже была убита.

Эти слова пронзают меня, словно пуля, и на секунду я теряю способность дышать. В моей голове вихрем проносятся картины – фотографии с места преступления, кошмарно изуродованное тело моей сестры, лицо Гвен, снимок Мэлвина Ройяла в зале суда... и я понимаю, что молчание затянулось слишком надолго.

– Мэлвином Ройялом? – спрашиваю я.

Мне казалось, что я знаю всех родственников жертв, но Тайлер Фарос мне вроде бы незнаком.

- Нет, - говорит он. - Просто... кем-то. Его так и не нашли.

Такой кошмар мне не довелось пережить - не знать, кто убил мою сестру. Не увидеть, как его предали правосудию. В течение пары секунд я даже не могу найти ответ, потом говорю:

- Извините. Должно быть, это ужасно тяжело. - И тут до меня доходит. - Вы... пришли сюда не ради обучения полетам, верно?

- Нет, - подтверждает он почти шепотом. - Я... кое-кто рассказал мне о вас, и я подумал, что вы сможете помочь. Что с вами можно поговорить. Потому что я больше ни с кем не могу поговорить о ней.

«Я неправильно оценил его», - думаю я. Он не бесчувственен. Он просто наглухо замкнут, закован в эмоциональный бронезилет. Боится проявить хоть толику чувств, поскольку если он хотя бы приоткроет эту дверь, то, вероятно, не сможет контролировать то, что вырвется наружу.

И я понимаю это, потому что был на его месте. Я так жил некоторое время, до того как перешел к более мрачным чувствам, о которых не люблю вспоминать.

- Вы пробовали обращаться к врачам? Пройти терапию? - спрашиваю. Я знаю, что многие мужчины против этого - особенно если винят в случившемся себя. Мне понадобилось много времени, чтобы двинуться в нужном направлении. - Потому что, если вам кто-то нужен, у меня есть контакты хороших специалистов...

Тайлер уже мотает головой.

- Нет-нет, все нормально. Я просто... я подумал, что вы, возможно, поймете. Что мы сможем немного поговорить. Но если вы заняты, я пойму.

Я занят. Но не настолько. Я, по крайней мере, могу уделить ему несколько минут. В свое время скорбь исказила мой внутренний мир, сделав его темным и

неправильным, и мне понадобились годы, чтобы уйти от этого. Долгий, трудный подъем к относительной стабильности. В моей голове проносятся инструкции, которые стюардессы в самолете дают пассажирам: «Сначала наденьте кислородную маску на себя, потом на других». Я пока не уверен, что полностью надел свою кислородную маску. Или что в нее поступает кислород.

Но в то же время я вижу скорбь этого парня, даже если не могу почувствовать его боль. Может быть, потому, что он сам не смеет чувствовать ее.

Поэтому я говорю:

- Давайте выпьем кофе и поговорим об этом, хорошо?

Тайлер выпускает долгий прерывистый вздох и кивает.

- Спасибо, мистер Кейд.

- Сэм, - поправляю я его. - Зовите меня Сэмом. Как звали вашу сестру?

- Клара, - отвечает он. - Я не... на самом деле, я хочу поговорить не столько о ней, сколько... Просто о том, как вы справляетесь с этим. Особенно когда не можете выкинуть все это из головы. Вы ведь не можете, верно?

- Иногда - да, - говорю я. - Иногда я могу не думать об этом часами. Иногда могу подумать пару раз за весь день. Но вы правы. Оно никуда не уходит.

Мы входим в маленький уголок отдыха, устроенный специально для персонала, берем по чашке кофе и садимся. Тайлер, похоже, все еще чувствует себя неловко. Он наконец-то снимает свои солнечные очки и без них выглядит совсем молодым. Уязвимым. Глаза у него усталые - как будто они видели слишком многое.

- Я злюсь, - признается он. - На то, что с ней случилось. Это нормально?

Господи, до чего же это нормально!

Я делаю глубокий вдох и начинаю объяснять ему, почему это плохо.

Не уверен в том, что объясняю хорошо. Парень слушает меня. Реагирует он слабо, но я теперь вижу значение этих реакций: того, как он чуть заметно вздрагивает или опускает взгляд. Не открывается, хотя я почти ощущаю, как бы ему этого хотелось. Но он сохраняет свою маску.

Когда мы слишком близко подходим к моим собственным ранам, я направляю разговор в другую сторону. И когда мои часы жужжат, напоминая мне о срочных делах, я с удивлением обнаруживаю, что прошел целый час. Кофейная чашка, стоящая передо мной, по-прежнему полна, хотя кофе уже остыл; Тайлер выпил свой кофе полностью. Я выливаю свой напиток в раковину и говорю ему, что теперь мне действительно надо идти.

Он благодарит меня за то, что я уделил ему время, но на этот раз не предлагает рукопожатие. Однако, как и прежде, немного колеблется, потом задает еще один вопрос:

– Как вы думаете, ваша сестра обиделась бы? Если б узнала о...

Он не заканчивает фразу, вероятно, понимая, что переходит черту. Потому что это действительно так, и я знаю, что меня это должно разозлить. Но почему-то не злит.

– Если б моя сестра узнала, что я счастлив с Гвен? – угадываю я. Он кивает. – Честно? Я не знаю. Хотел бы думать, что она пожелала бы мне счастья, потому что я желал счастья ей. Но я не знаю.

Тайлер кивает.

– Спасибо, Сэм. Я... я никогда раньше не говорил об этом. Вот так вот, с кем-то, кто понимает... – Он перекачивается с пятки на носок и обратно, и на секунду я вижу подлинное страдание, которое он таит. Потом достает из кармана солнечные очки, надевает их и в один момент снова прячется в свою броневую скорлупу. – Я знаю, что это было нелегко. Спасибо, что поговорили со мной.

Он не ждет моего ответа. Просто поворачивается и уходит.

Этот разговор оставляет у меня странное ощущение. Но и хорошее тоже почему-то. Может быть... может быть, эта часть меня действительно начинает исцеляться. Прошло уже достаточно много времени.

Но я обнаруживаю, что гадаю: действительно ли я помог ему или причинил боль? Потому что я не знаю. Просто не знаю.

* * *

Мой трудовой день завершен; пройдя занятия на симуляторе, я направляюсь домой. Дышать стало легче, и я снова чувствую себя почти – почти – нормально. На половине дороги мой сотовый телефон звонит. Номер незнакомый, и я уже собираюсь сбросить звонок, но все-таки нажимаю кнопку на гарнитуре и отвечаю:

– Алло?

– Здравствуйте. Можно мне поговорить с Сэмом Кейдом?

– Вы с ним разговариваете.

– О, спасибо. Я Эмори Осгуд из газеты «Теннессиец». – Голос у женщины на другом конце линии молодой, в нем слышится наигранная печаль. Я моментально настораживаюсь, хотя это не похоже на один из этих проклятых автоматических спамерских звонков. – Если вы не против, я проверю произношение имени. Гвен Проктор. Обычно я не стала бы спрашивать, но в сообщении, полученном нами, оно написано двумя разными способами. – «Какого черта она звонит мне?» Я уже хочу спросить ее об этом, однако повторяю имя Гвен по буквам. Прежде, чем успеваю задать вопрос, женщина продолжает: – О, спасибо. Конечно же, очень важно, чтобы мы составили объявление правильно. Вы не могли бы еще подтвердить название похоронного бюро?

Во рту у меня пересыхает. Не думая, я сворачиваю с дороги на стоянку у бакалейного магазина, заняв первое же попавшееся свободное место. Дрожащей рукой дергаю вверх рычаг ручного тормоза.

– О чем вы говорите?

– Я звоню по поводу некролога, – объясняет она. – Относительно мисс Проктор... – Сейчас ее голос звучит неуверенно, словно она застигнута врасплох. Мое сердце неистово колотится, на теле выступает холодный пот, меня подташнивает.

– Что с ней случилось? – спрашиваю. Я не могу узнать собственный голос, он кажется мне чужим. – Когда?

– О, сэра, простите, мне казалось... подождите, разве это не вы подали объявление? Так не должно было произойти, я просто... я не знаю, что сказать. Я прошу прощения за то, что так поступаю с вами... Вы в порядке? – Теперь в ее голосе слышится неподдельный ужас.

– Не я... – Я загоняю назад неожиданный всплеск ярости. Глаза у меня горят, все тело содрогается. – Что случилось, черт возьми?

– Я... – Я слышу, как она делает глубокий вдох. – Сэр, у меня действительно нет никаких сведений. По электронной почте на мой компьютер поступила заявка на то, чтобы разместить в газете некролог, и ваше имя указано в качестве лица, с которым можно связаться по этому поводу, вот почему я вам звоню. Я не понимаю, что происходит...

Я вешаю трубку. Только с третьей попытки набираю номер сотового телефона Гвен. С трудом втягивая воздух, слушаю далекие пустые гудки. Как будто весь мир вокруг меня проваливается в темный колодец.

А потом она отвечает.

– Сэм? Привет, как у тебя прошел день?

Как будто все в порядке. Как будто ничего не случилось.

Потому что ничего не случилось. Слава богу!

Горло мое сжимается от облегчения, и я не могу даже говорить, потом откашливаюсь и произношу:

- Отлично, милая. Все отлично. Я... я еду домой. Ты там?

- Да, - говорит она. - Собираюсь готовить ужин. Что ты думаешь насчет...

- Да что угодно, на твой вкус, - искренне отвечаю я. Я не могу рассказать ей о том, что случилось минуту назад. Не хочу портить ей настроение. - Мне нужно ехать, я скоро буду дома, ладно?

- Ладно, - говорит Гвен, и я слышу, как ее тон слегка меняется. Она понимает: что-то не так. Я обрываю звонок, пока она не спросила еще что-нибудь.

Потом набираю номер мисс Эмори Осгуд, и меня переключают на нее с основного коммутатора «Теннессийца», нашей местной газеты.

- Эмори, это Сэм Кейд, - говорю я. Она снова пускается в пространные извинения, но я, не слушая, обрываю ее. - Кто-то прислал заявку на некролог. Каким образом?

- Ну... на нашем сайте есть бланк; его нужно заполнить, потом мы проверяем заявку, вот почему я позвонила вам - потому что ее имя в одном месте было напечатано так, а в другом по-другому, а указанный номер похоронного бюро неправильный. В заявке указано ваше имя и телефонный номер. Сэр, что случилось...

- Гвен Проктор жива, - говорю я ей. - И я не посылал эту заявку.

- О боже мой, мистер Кейд, я еще раз прошу прощения... я... зачем кому-то так поступать?

- Жестокий розыгрыш, - объясняю я ей. - Просто удалите эту заявку. И не принимайте никаких объявлений о моей смерти, смерти мисс Проктор или ее детей, Ланни и Коннора, пока я или она не подтвердим их. Считайте все это злобной шуткой, потому что, скорее всего, так оно и есть. Хорошо?

- Хо... рошо. Ничего себе! Я никогда не слышала, чтобы что-то такое случилось. И еще раз извините...

– Все в порядке. – Все совсем не в порядке, но я не хочу, чтобы Эмори расстраивалась из-за этой ситуации. Она не сделала ничего плохого. Я потираю затылок, разминаю закаменевшие, ноющие мышцы шеи. – Полагаю, кто-то освоил новый крутой трюк. Нужно запомнить это на будущее. Нам обоим.

– Да, сэр, – говорит она. – Я рада, что со всеми все в порядке.

– Я тоже рад, Эмори. Я тоже рад.

Теперь, когда шок миновал, реальность снова обрушивается на меня во всей своей мрачности. Я надеялся, что никто не начнет заново этот крестовый поход против Гвен, но я ошибался.

Чертовски ошибался.

7

ГВЕН

В одиннадцать часов утра, когда мой телефон звонит, я дремлю в своем рабочем кресле, и звонок рывком выдергивает меня из полусна. Я практически уснула, проводя рутинную проверку данных, но, надо сказать, это была чертовски долгая ночь. Хватаю телефон и вижу на экране имя Кеции.

– Кец? – сразу же отвечаю я. – Все в порядке?

Молчание, наступающее за этим, слишком долгое и кажется тяжелым.

– Не совсем, – говорит она. – Вскрытие тех двух девочек только что завершилось. В записях о рождении я нашла их имена. Мира и Бет.

Я ощущаю, что это еще не все, но не хочу давить. Если Кец захочет, чтобы я знала, она мне скажет.

– Как ты? – спрашиваю я ее. – Если честно?

Я слышу, как дрожит ее дыхание, и это причиняет мне боль.

– Все хорошо, – произносит она, и я отчетливо различаю в этом ответе ложь. – Теннесийское бюро расследований берет дело себе, мне только что сообщили.

– И ты просто собираешься уступить? – спрашиваю я ее. Я знаю, что это не так. И ее молчание подтверждает это. – Кец...

– Я не могу просто взять и бросить все это, Гвен. Эти малышки...

Да, конечно, погибшие девочки... Но есть еще кое-что, и мы обе это знаем. Дитя, которое она носит, было для нее радостью, а этот случай стал напоминанием о том, как ужасно хрупка жизнь и как невыразимо окончательны трагедии.

Я понимаю, почему она одержима этим делом; я, вероятно, тоже была бы одержима. Но это рискованно. В свое личное время Кец делает много таких вещей, которые в более крупном подразделении полиции, нежели нортонское, могли бы счесть сомнительными. Ведение собственного расследования будет достаточно крупным нарушением, чтобы ее работа в полиции оказалась под угрозой – если только она не получит разрешение от своего шефа. Мы обе это знаем. Теннесийское бюро расследований тоже не одобрит ее вмешательство... и еще меньше одобрит участие Гвен Проктор, бывшей жены маньяка, пусть даже с лицензией частного детектива. Но я не собираюсь спрашивать их разрешения; полагаю, что и Кец тоже.

– Так что у тебя в планах? – спрашиваю я.

– Я подумала, что надо бы проехать по той дороге в обе стороны, – отвечает она. – Там вроде есть несколько жилых домов. Может быть, кто-нибудь что-нибудь видел.

– А может быть, ты оставишь это ТБР?

– Сегодня они собираются по квадратам прочесывать лес вокруг того пруда, – говорит Кец. – Я только что говорила с Престером, и он собирается там быть. Я

пыталась отговорить его, но смогла убедить лишь работать посменно, так что приму у него вахту, как только закончу эту проверку.

- Тебе нужна компания? - спрашиваю я. - Кец, с тобой должен кто-то быть, особенно если ты намерена стучаться в двери к посторонним людям.

- Было бы неплохо. Но ты должна держаться позади - так положено.

- Встретимся у твоего офиса, - говорю я ей. - Дай мне сорок пять минут.

- Хорошо, - соглашается она. - Будь осторожна за рулем и сбрось мне эсэмэску с парковки; ты же знаешь, как на меня будут коситься, если ты зайдешь в здание.

- Ну да, понимаю. Я буду осторожна. Ты не против, если я дам тебе непрошенный совет?

- Давай.

- Сделай несколько глубоких вдохов-выдохов. Прочисти мозги. Потом посоветуйся со своим боссом. Я знаю, что тебе хочется нырнуть во все это очертя голову, но факт в том, что, по-моему, это будет долгая и тяжелая работа. Прибереги свою страсть на потом. Она тебе понадобится.

- О, - отвечает она, - страсти у меня хватит. Поверь.

Я верю. В ее голосе звучит небывалая твердость. Зрелая, глубоко укоренившаяся.

Кец быстро прощается и вешает трубку, и я откладываю на потом проверку, над которой заснула, и собираюсь в поездку. Уже достаю из холодильника бутылку воды, чтобы взять с собой в дорогу, когда раздается звонок в дверь. Я смотрю на монитор камеры безопасности, чтобы проверить, кто это.

На экране вижу курьера с планшетом в руках; вид у него нетерпеливый. Позади него на улице виднеется фургон темного цвета без эмблемы. Я несколько секунд рассматриваю курьера. На его рубашке тоже нет логотипа, только какой-то бейдж. Мне нравились прежние времена, когда курьеры приезжали на

отмеченных фирменным знаком машинах в четко различимой униформе. В наши дни кому-либо легко проникнуть в дом, нужны лишь планшет и сумка.

Через домофон я прошу доставщика поднести бейдж поближе к камере. Выглядит вполне настоящим. Поэтому я иду к двери, отключаю сигнализацию и открываю дверь. Как обычно в таких ситуациях, я настороже: машинально просчитываю местонахождение ближайшего оружия, собираюсь на случай нападения. Вот что делает с тобой ПТСР: заставляет тебя постоянно оценивать шансы на выживание как в обычной обстановке, так и в случае каких-то неожиданностей. Это утомительно. Но в моем случае – просто необходимо.

Водитель просто сует мне планшет и говорит:

– Распишитесь вот здесь, пожалуйста.

Я беру устройство и вывожу пальцем что-то, даже отдаленно не напоминающее подпись, но он не смотрит на это, только нажимает кнопку и протягивает мне узкий длинный конверт из плотной бумаги. Курьер уже на полпути к фургону, когда я переворачиваю конверт и вижу, что это письмо адресовано не мне... точнее, не Гвен Проктор.

Оно адресовано Джине Ройял, моему прежнему «я». Обратного адреса нигде не видно.

Я чувствую, как холод и жар волнами прокатываются через меня, вызывая в моей душе ярость. Мой первый порыв: крикнуть вслед курьеру, чтобы он вернулся и забрал письмо, но я обуздываю этот инстинктивный импульс. «Лучше знать, чем не знать», – думаю я и фотографирую номерной знак машины, прежде чем закрыть дверь. Включив сигнализацию, опускаюсь на диван. Потом переворачиваю конверт и отрываю полоску перфорации, осторожно раскрываю его и вытряхиваю содержимое.

Из него выпадает другой конверт, поменьше, из белой бумаги. Он падает лицевой стороной вниз. Я проверяю картонную упаковку – в ней больше ничего нет. Я откладываю ее в сторону, делаю вдох и переворачиваю конверт.

Мне знаком этот почерк. Он заставляет меня ощетиниться изнутри, в желудке точно перекачивается клубок колючей проволоки. «Он мертв. Мэлвин Ройял

мертв», – твержу я себе, но это звучит слабо, точно хныканье в кромешной тьме. Задавленно и глухо.

Я продолжаю смотреть на конверт, как будто могу заставить его исчезнуть, никогда не быть, но он остается там, где лежит – и будет лежать. «Я должна сжечь его, – думаю я. – Или пропустить через шредер, не вскрывая». Письмо достаточно тонкое, чтобы я без труда могла сделать это в своем рабочем кабинете. В этой мысли есть некая свобода, влекущая меня.

Сейчас Мэлвин не может сказать ничего, имеющего хоть какое-то значение в моей жизни.

И все же мои руки сами тянутся к конверту. Я почти не управляю ими, только наблюдаю, как они вскрывают его, достают и разворачивают письмо.

Мелкий, изящный почерк, бегущий по странице, заставляет меня вздрогнуть так сильно, что бумага отвечает слабым протестующим трепетом. Сама не желая того, помимо собственной воли, я фокусирую взгляд на первой строчке.

Дорогая Джина!

Как обычно – Джина.

Я знаю, что для тебя это будет потрясением, но я на тебя больше не злюсь.

Это ложь. Он постоянно был зол, словно зверь, ждущий возможности напасть, даже когда скрывал это за улыбкой, очарованием и спокойными словами. Он был зол в ту ночь, когда я убила его.

Я прощаю тебя за весь тот вред, который ты причинила мне.

Из моего горла вырывается странный звук: наполовину смех, наполовину задушенный вздох. Вред, который я причинила ему – монстру, отнявшему ужасающее количество жизней! Манипуляции и контроль, газлайтинг – это были фирменные штучки Мэлвина. Я чувствую его по другую сторону этого письма – он просчитывает произведенный эффект.

Если ты читаешь это, значит, я мертв. Быть может, это просто кармическое правосудие, быть может, что-то еще. Я всегда думал, что если умру, то из-за тебя. Это так?

Да, сволочь, да. Из-за меня. Я выстрелила тебе в лицо.

Не важно, смерть есть смерть. Но ты знаешь, что я не могу оставить это так просто, верно? Когда-то я любил тебя, Джина. Не то, чтобы ты была достойна этой любви. Но я ничего не мог с этим поделать. Мы были предназначены друг другу. Созданы друг для друга.

Эти слова – отравленный мед. Долгое время я хотела верить ему, жаждала чувств, которые он выказывал мне, и каждый раз попадалась на эту приманку. Я верила, что почти ничего не достойна, что никто, кроме Мэлвина, не смог бы меня полюбить, что я могу найти счастье только с ним. И это неизменно было способом контроля.

Даже из могилы он пытается контролировать меня. Нельзя отказать ему в упорстве.

Несомненно, я сделал распоряжения на такой случай. Письма – чтобы ты не забыла меня, чтобы мы были вместе. Наслаждайся тем, что считаешь свободой, потому что это лишь длинный поводок, на котором я позволяю тебе побегать. Скоро ты доберешься до его конца, и это будет резкий сильный рывок. И в этот момент ты поймешь, что я никогда по-настоящему не отпускал тебя. Никогда.

Мое дыхание учащается. Пальцы сминают бумагу, едва не разрывают ее.

Но я продолжаю читать.

«Пока смерть не разлучит нас» – так было сказано в нашей брачной клятве. Я намерен сделать все, чтобы ты ее сдержала.

До свидания, моя любимая жена. Поцелуй за меня наших детей.

Внизу распласталась его подпись, занимая все свободное место с самоуверенной дерзостью. Несколько секунд я смотрю на нее, затем комкаю письмо и бросаю на стол, где оно лежит, словно бумажная граната.

У меня есть выбор. Я могу уделить этому еще какое-то время или же могу подумать об этом позже. Кец ждет. А Мэлвин никуда не денется – он мертв.

Я отношу письмо в свой кабинет, прячу его в ящик своего стола и чувствую себя центнеров на пять легче, когда тень Мэлвина остается позади, запертая в темноте.

* * *

С парковки Нортонского полицейского управления я скидываю сообщение Кеци и стараюсь держаться незаметно, чтобы не привлечь внимания кого-либо из полицейских. В Нортоне у меня сложилась определенная репутация, и не то чтобы хорошая.

Кец уверенной походкой направляется к моей машине и проскальзывает на пассажирское сиденье.

– Нам лучше ехать, – говорит она. – Скоро пересменка.

Я выезжаю на главную нортонскую трассу, которая представляет собой всего-навсего дорогу в две полосы; возвращение в этот городок заставляет меня

ощущать странное беспокойство. Хотя, возможно, на самом деле это из-за вновь возникшего у меня на пороге призрака Мэлвина Ройяла. В этом нет ничего неожиданного: у него есть поклонники и последователи по всей стране, и до того, как сбежать из тюрьмы, он снабдил их целыми пачками заранее написанных писем; этим людям нравится присылать мне подобные знаки извращенной любви Мэлвина.

Кец бросает на меня холодный оценивающий взгляд.

- Что такое? - спрашиваю.

- Ты на себя не похожа.

- Правда? А на кого я похожа обычно?

Она приподнимает одно плечо.

- Обычно ты спокойнее. Что-то случилось?

Я не хочу лгать ей, но и не хочу, чтобы она знала, что Мэлвин Ройял по-прежнему преследует меня. Я не хочу, чтобы кто-то вообще об этом знал.

- Нет. Ничего такого.

Она, скорее всего, не верит этому, но оставляет все как есть.

- Спасибо, что поехала туда ради меня. Я понимаю, что прошу об этом уже во второй раз за несколько часов. И я испортила тебе ночной отдых.

- А, моя дочь испортила его мне еще до тебя...

Я рассказываю про ночную вылазку Ланни в клуб. Кец лишь улыбается.

- Это в ее характере, - говорит она. - Надеюсь, ты не будешь к ней слишком строга. Она быстро растет.

– Слишком быстро... – Я вздыхаю. – Не важно. Ты говорила со своим начальником? Сказала ему, что собираешься продолжить работу над этим делом?

– Он не против того, чтобы я занялась этим случаем, пока ТБР не скажет, что нам нельзя. Тогда мне, наверное, придется выдержать еще один разговор.

– Может быть, ТБР захочет работать над ним вместе с тобой.

– У меня такое ощущение, будто они считают, что у нас тут, в глуши, нет никакого опыта подобной работы.

– И это дурацкое заблуждение.

Она чуть заметно улыбается.

– Не всегда. Ты же видела сегодня утром Доуга, помощника шерифа. Он практически ничего не сделал так, как надо, разве что остановился помочиться в нужном месте. Может быть, они все же решат заглянуть в мой послужной список, но не думаю, что они будут утруждать себя подобными вещами.

Или же заглянут в ее послужной список и обеспокоятся тем, что она может оказаться слишком эффективным работником. Что может отнять у них всю славу, если ей будет нужно. В ТБР царит бюрократия, такая же, как в любой организации, насчитывающей больше трех-четырех человек. Это цепочка командования, где у всех есть четко определенные роли и в игре всегда замешана политика. В нынешнем своем настроении моя подруга плевать хотела на все это, и, глядя на нее, я гадаю, обдумала ли она все последствия.

Открываю рот, чтобы спросить, затем закрываю, не произнеся ни слова. Она обдумала. И, несмотря ни на что, приняла решение.

– Каков результат вскрытия? – спрашиваю я ее наконец.

Взгляд Кеца затуманивается, и еще прежде, чем она успевает ответить, по спине у меня пробегает холодная дрожь.

– Как мы и ожидали. Смерть от утопления. Отметины на обоих телах показывают, что они пытались вырваться.

Это просто кошмар, который, как мне думается, она представляет себе в мельчайших подробностях. Я чувствую затылком холодное дуновение этого кошмара – однако Кец встретилась с этой жутью лицом к лицу. Я молчу, не зная, что ответить, чтобы утешить ее.

– Я ездила к ее дому, – продолжает она минуту спустя. – К дому Шерил Лэнсдаун. Ничто не свидетельствует о том, что она планировала эту поездку, и в машине не было никакого багажа, только ее сумка. Ты когда-нибудь куда-нибудь возила своих детей посреди ночи?

– Конечно, когда они были маленькими, – говорю. Во рту у меня пересыхает, и я делаю глоток воды из бутылки. – В основном Коннора. Бывали ночи, когда я не могла успокоить его и не хотела, чтобы проснулся... – Мой голос становится слабым и пресекается на последнем слове. Я снова Джина, измотанная и раздраженная, напуганная тем, что ребенок разбудит Мэлвина. Я оставляю старшую дочь спать в кроватке и усаживаю сына в детское креслице на заднем сиденье. Вожу его по темным окрестностям, напевая бессмысленные песенки, пока младенец наконец не обмякает и не засыпает крепким сном.

Я оставляла свою дочь с Мэлвином.

До сих пор я не думала об этих ужасных моментах уязвимости, и это рождает в моем теле крупную дрожь. Она была всего лишь малышкой, и я проверяла ее, когда укладывала сына обратно в колыбель. Она, судя по всему, спала мирно и спокойно, но я ни разу не подумала о том, как это рискованно для нее. У меня не было причин так думать. Но я не думала об этом и позже, когда узнала, кто такой Мэлвин и что он сделал.

О, я испытывала неподдельный, невероятный ужас от того, что он сделал, но по какой-то причине именно это воспоминание о том, как моя дочь лежала беззащитная в своей кроватке, – круглое невинное личико, маленькие руки сжимают край стеганого одеяльца с изображением плюшевых мишек, которое она так любила... что-то у меня в душе лопается с громким щелчком.

Я не защитила ее тогда. И с ужасом понимаю, что по-настоящему не могу защитить ее даже сейчас. Только не в этом кровавом мире.

Кец видит это.

– Ты думаешь о том, как жила с Мэлвином? – Она слишком чуткая. Я сглатываю и киваю. – Извини. Я не хотела лишний раз напоминать тебе об этом.

– Он как зомби, – говорю я ей. – Постоянно возвращается, сколько бы раз я его ни убивала. Все в порядке. – Хотя сомневаюсь, что улыбка, которую мне удастся выдать, особо убедительна. – В любом случае, ответ – да. Я действительно иногда возила своего ребенка по окрестностям посреди ночи. И я помню, какой измотанной тогда была, каким нереальным все казалось. Когда ты недавно родила, почти постоянно плаваешь в тумане гормонов и невероятной усталости.

– Угу, я уже отчасти это ощущаю... – Она вздыхает. – Так что, вероятно, именно так она и заехала туда ни с того ни с сего? Попыталась убаюкать детей?

– Или собиралась встретиться с кем-то.

– Я подумывала о наркоторговле, но, честно говоря, в этой машине не нашлось ничего такого, что свидетельствовало бы о наркомании. Снаружи дом немного запущен, но внутри, похоже, царит полный порядок.

– Мы обе знаем про высокофункциональных наркоманов, особенно тех, кто сидит на опиатах, – отвечаю я, и она кивает. – Но ты права, это место какое-то слишком уединенное для передачи наркотиков. Слишком странное, если существуют стоянки для дальнобойщиков и универсальные магазины.

– Это могло быть своего рода романтическое свидание, – добавляет Кеция. – Хотя не могу представить, чтобы кому-то захотелось отправиться на свидание к этому пруду даже в самый солнечный день.

Я вынуждена согласиться с ней. Если и существуют места с отталкивающей атмосферой, то именно такие, как берег того пруда. А теперь оно унесло две жизни... или еще две жизни. Нужно быть абсолютно пьяным или обдолбанным, чтобы устроить там романтическую встречу.

– Значит, если это не продажа наркотиков, при которой что-то пошло не так, значит, мы столкнулись с похищением матери, которое похититель решил прикрыть, столкнув ее машину в пруд?

– В таком случае ему должно было очень повезти, верно? – замечает Кец. – Каковы шансы того, что кто-то в такой час мог шастать в этой глуши, чтобы стать жертвой похитителя?

– Зависит от того, насколько часто она возила детей по проселочным дорогам, – отвечаю я. – Если у нее были какие-то устоявшиеся привычки – время, маршрут...

– То это было вовсе не случайным везением, – договаривает Кеция. – Он мог знать ее привычки. Черт... – Она снова вздыхает. – Но пока что у нас нет ни единой улики на этот счет. Мы просто гадаем.

– Там впереди развилка?

Мы уже миновали поворот к Стиллхауз-Лейк, и я чувствую странное облегчение от того, что нам не нужно ехать в ту сторону... и одновременно – легкое сожаление. Это странное, смешанное чувство. Тоска и отвращение в равной мере.

– Да, развилка. Сворачивай направо. У нас примерно двадцать минут до того, как мы должны прибыть на место преступления.

Мы приезжаем точно вовремя и минуем трепещущую на ветерке ограждающую ленту. Должно быть, люди из ТБР ведут поиски где-то еще, потому что здесь их почти нет. Мы, не останавливаясь, проезжаем мимо, и Кец говорит:

– Ладно, у нас примерно пять возможных вариантов, куда мы можем заглянуть. Я не уверена, что какой-то из них сработает, но следует проверить.

– Со скольких из этих мест видно пруд?

– Ни с одного. Но с некоторых точек можно видеть, что происходит на дороге. Это лучшее, что у нас есть.

Вождение по такой дороге требует сосредоточенности; пятна тени и света сбивают с толку еще сильнее, чем обычно, дорога поворачивает, изгибается и то сужается, то расширяется, а откосы по обеим сторонам от нее довольно крутые и высокие. На ней едва-едва могут разъехаться две машины – и то если будут ехать осторожно. Мой внедорожник кажется здесь чудовищно огромным, и я не знаю, как буду действовать, если кто-то поедет навстречу.

Нам требуется почти час, чтобы посетить первые две точки из нашего списка. Третья кажется чуть более приветливой. Это новое здание, стоящее в стороне от дороги, почти необычно большое: в окнах двойные стеклопакеты, на крыше солнечные панели, с одной стороны от дома разбит аккуратный сад. Пригородный особняк, вынесенный в холмы, – безупречный и совершенно неуместный здесь. Несмотря на это, я чувствую приступ зависти, когда мы останавливаемся на ровно вымощенной подъездной дорожке.

– Господи, они хоть понимают, где живут? Здесь считается роскошью даже трейлер с раздвижными стенами.

– Этот дом явно бросает вызов всем, – отзывается Кец. – Так что, полагаю, да, они понимают. И им плевать, что думают об этом остальные. Но нам везет. Камеры.

Она кивает в сторону камер безопасности. И она права: эти две камеры нацелены на подъездную дорожку, а значит, и на дорогу.

– И домофон тоже с камерой, – отмечаю я, прежде чем мы выходим из машины. – Будем надеяться, они не встретят нас стволами.

– В этих местах я не стала бы ставить на это. Иди первой, – говорит Кец с ехидной ухмылкой.

И я иду.

При нажатии на кнопку внутри дома раздается негромкий звонок, и настороженный женский голос спрашивает через динамик:

– Да?

Даже в том одном-единственном слове чувствуется напряженность. Я удостоверяюсь, что в камеру домофона меня хорошо видно.

– Здравствуйте, меня зовут Гвен Проктор. Я расследую преступление, совершенное дальше по этой дороге, – сообщаю я ей, и это, по сути, одновременно и правда, и ложь. – Мне нужно только задать вам пару вопросов и, если возможно, взглянуть на записи ваших камер наблюдения. Это возможно, мэм?

Следует долгое молчание, потом женщина произносит:

– Давайте, задавайте ваши вопросы.

Она не собирается выходить к нам. Что ж, вполне оправданно.

– Вы не видели никаких проезжающих по дороге машин сегодня ночью? Вероятно, после полуночи, но до рассвета?

– Нет.

Она лжет, я это чувствую. Пытаюсь зайти с другого угла.

– И ничего особенного не слышали?

– Нет. О каком преступлении вообще речь?

– Пропала женщина, – объясняю я. – Мать двух маленьких девочек. Мы просто хотим найти описание любых машин, которые проезжали по дороге, вот и все. – Я играю наугад. Что-то в том, как она спрашивала меня о совершенном преступлении, внушило мне мысль, что она беспокоится – вдруг мы здесь ради... чего-то другого. – Бизнес Бельденов не имеет к этому никакого отношения, совершенно.

Она знает Бельденов. Не может не знать, раз уж живет здесь. И раз у нее так много денег... она, вероятно, знает их очень хорошо, с деловой или с покупательской точки зрения.

– Я... – Она колеблется, затем говорит: – Ночью здесь проезжали две машины. Одна – обычный седан, довольно старый. Вторая – темный внедорожник, красивый. – Она говорит так, словно знает: она не должна этого говорить. Она выпаливает это в спешке, потом делает глубокий вдох. – Это все, что я знаю.

– Спасибо. Вы нам очень помогли. Вы не против переслать нам эту запись? Просто на тот случай, если мы сможем рассмотреть на ней что-нибудь – например, номер машины.

Ее, похоже, это предложение не радует.

– Дайте мне ваш электронный адрес. Просто... не говорите моему мужу, хорошо?

– Мы сохраним полную конфиденциальность.

Кец бросает на меня взгляд, и я понимаю, что она не хочет давать свой официальный контактный адрес, а свой личный не сообщает никому, я это знаю. Диктую по буквам адрес своего детективного агентства и прошу женщину повторить мне его. Потом снова благодарю ее, и нам остается только уйти прочь. Когда мы пристегиваем ремни безопасности, Кец говорит:

– Она не собирается ничего пересылать.

– Ты уверена?

– Ставлю десять баксов. Она боится, что по письму мы узнаем ее имя, что придется давать показания и все такое прочее. Я никогда не бывала здесь сама, но по этому адресу зарегистрирована не одна жалоба на домашнее насилие, и похоже, ее муж глубоко увяз в наркобизнесе. Плохое сочетание. Я удивлена, что она вообще хоть что-то сказала. Когда человек живет здесь и одинок, он всего боится.

Она права. Женщины, живущие в такой глуши, либо находятся под жестким контролем своего партнера, либо независимы, как дьявол. Середины не бывает. И выбраться из плохих отношений в лучшем случае тяжело. А здесь, в лесах, да еще если муж связан с криминалом... это бесконечно тяжелее.

- Может быть, она позвонит, - говорю я. - Я оптимистка.

Кец качает головой. Она слишком хорошо меня знает.

Последние две точки оказываются пустышкой. Одна - охотничья хижина, крепко запертая и без малейших признаков чьего-либо присутствия. Другая - снятый с колес трейлер с проржавевшими стенками, и когда мы стучимся в дверь, нам никто не отвечает. Кец прикрепляет к двери свою визитную карточку, и мы направляемся обратно вниз по склону. Должна признать, что чувствую облегчение. Мне не нравится находиться здесь, в холмах, на территории Бельденов. Они четко, без обиняков сообщили мне, насколько нежелательная я персона.

- И что же мы с этого получили? - спрашиваю я.

- Мы получили подтверждение, что была вторая машина, - отвечает Кец. - Так что либо пропавшая женщина договорилась о том, чтобы кто-то увез ее с места преступления, либо это был похититель, который выслеживал ее - или не выслеживал. Боже, я надеюсь, что он ее выслеживал. Ее городок просто кишит любопытными типами. Кто-то обязательно увидел бы его. И возможно, заметил бы номер его машины.

- И... куда теперь?

- Мне, наверное, следует присоединиться к прочесыванию местности. Престер сейчас не в той форме, чтобы шариться по лесам. Я его заменю.

- Значит, ты хочешь, чтобы я съездила в город, где она жила? Поговорила с ее соседями?

Кец отвечает мне короткой мрачной улыбкой.

- Лучше ты, чем я. Сомневаюсь, что мне удастся склонить кого-то к сотрудничеству.

В этих словах скрывается нотка отвращения и неприятия. Я понимаю это, по крайней мере, отчасти. Поэтому просто говорю:

– Конечно, я с радостью помогу. Это не уронит твою репутацию в глазах полиции штата?

Кеция в ответ только пожимает плечами, и я вижу, что она искренна. Ей плевать на последствия. Лицо ее принимает жесткое выражение, челюсти крепко сжаты, и это наводит меня на мысль о том, что нынешнее дело – одно из тех, которые будут преследовать ее до конца жизни. Она хочет распутать его любым доступным способом. Может быть, хочет сделать это ради ребенка, которого носит – того, который полностью изменит ее жизнь. Может быть, ей нужно что-то доказать себе самой.

Я лишь надеюсь, что это не подвергнет нас обеих настоящей опасности.

8

КЕЦИЯ

У меня есть секрет, который я никогда никому не рассказываю: я ценю природу, но ненавижу долбаные леса. Я люблю город, я люблю кирпич, сталь и асфальт и, находясь в самой дикой части лесного массива, ощущаю себя так, словно меня похитили инопланетяне и выкинули посреди фильма «Хищник». Господи помилуй, я провожу в таких местах изрядную часть времени и притворяюсь, будто мне плевать.

Но мне не плевать. Совершенно.

Гвен отвозит меня туда, где стоит моя машина; я снова связываюсь с ТБР, и те предлагают мне прочесывать холмы вместе с их ребятами. Я соглашаюсь – в основном потому, что знаю: детектив Престер уже там, он пытается выполнить свою часть соглашения. И конечно же, остановившись на дороге, вижу, как Престер выходит из леса. Он двигается медленно, цвет его лица – который и прежде меня тревожил – теперь сделался совершенно пепельным, и это мне не нравится. Видит бог, мне нравится этот скрипучий старикан: он умен, он опытный детектив и, более того, ему не плевать на жертв, и он подает мне пример в этом.

Он не захотел бы, чтобы я тревожилась за него, но я все равно тревожусь.

Я подхожу, и Престер, конечно же, отмахивается от меня, точно от назойливой мухи.

– Я в порядке, – говорит он, хотя понятно, что это не так. – Просто жарко, вот и все.

Сейчас вовсе не жарко, и мы оба знаем это, но я не возражаю. Я убеждала его показаться врачам, но он не пошел. Если я буду давить на него, он просто прикрикнет на меня, и я не могу по-настоящему винить его за это. Если я доживу до его возраста, то буду такой же независимой и не позволю моим наглым молодым напарникам командовать мною.

– Я закончу этот поиск за вас, – говорю я ему. – Без проблем.

– Ты ненавидишь лес, – возражает он, и это правда, хотя я никогда не говорила ему этого. Но почему-то меня почти не удивляет то, что он знает. – У тебя слишком богатое воображение, Клермонт. Ты считаешь, будто там везде шастают медведи.

– А вы хотите сказать, что это не так? – ухмыляюсь я, и уголок – только уголок – его губ приподнимается в ответной усмешке. – Вы долго здесь пробыли?

– Несколько часов, – отвечает Престер. Это плохо, учитывая то, как он выглядит в эту минуту. Я пытаюсь не сказать ему этого. – Ты куда-то ездила с Гвен?

– Я пыталась найти след, – говорю, хотя это не ответ, и он это понимает. – А у вас есть подвижки? Нашли что-нибудь?

– Нашли многое, но все это мусор. Старые презервативы, ржавые банки, пивные бутылки. Ничего, касающегося пропавшей женщины. Ни единого следа.

– Поиски продолжатся до темноты, – замечаю я. – Поезжайте домой. Пожалуйста.

Ему это не нравится. Но он кивает. Я встаю и ухожу, не сказав больше ни слова. Я чувствую, как он смотрит мне вслед, но не оборачиваюсь. Слышу, как двигатель его машины заводится с громким стуком и лязгом, и огромный седан сдает назад с легкостью, свидетельствующей о том, что водитель много лет ездил на нем по этим узким проселочным дорогам.

Я проверяю, надежно ли завязаны шнурки на моих ботинках, и тут ко мне подходит молодая женщина в форме шерифской службы. Я молча предъявляю свой жетон и документы; женщина кивает и делает пометку в журнале.

– Детектив, – кивая, говорит она, – парни сейчас уже наверху, в холмах. Вы хотите подождать у подножия или...

Я хочу подождать у подножия, чертовски хочу, но надеваю плотную куртку, а поверх нее – яркий жилет. Не хочу, чтобы меня приняли за чертова медведя. Или за черную женщину.

– Я возьму квадрат, который прочесывал детектив Престер, – говорю я. Потом пристегиваю к поясу фонарик: под покровом леса темно даже в солнечную погоду, и улики легко пропустить. Потом удостоверяюсь, что оружие у меня под рукой, потому что в лесу действительно водятся чертовы медведи. И хищники на двух ногах, которые могут позабавиться, подстрелив копа. Медведи не стреляют в ответ. А я стреляю. Вслед за дежурной помощницей шерифа иду вверх по склону к ее маленькому раскладному столику. На столике расстелена карта, придавленная по углам камнями, но сильный холодный ветер все равно заставляет бумагу трепетать.

– Вот, – говорит женщина, указывая точку на карте, – это ваша часть. Поиск по сетке, с севера на юг, потом с востока на запад, каждый проход на расстоянии не более трех футов от предыдущего...

– Спасибо вам, помощник, я знаю, что такое прочесывание по сетке, – отвечаю я. – Какой канал?

– Мы связываемся на седьмом, – говорит она и вручает мне рацию. Это целый кирпич, достаточно тяжелый для того, чтобы в экстренном случае использовать его как ударное средство, и достаточно прочный, чтобы работать даже после того, как по нему проедет грузовик. Я переключаю рацию на нужный канал и

провожу проверку. Женщина кивает, и я направляюсь вверх по склону холма к лесу.

Темнота падает на меня, словно плащ, и я останавливаюсь, чтобы дать глазам привыкнуть. Здесь, как ни странно, теплее – в основном потому, что ветер не настолько сильный. Я делаю несколько вдохов и включаю фонарик, чтобы поискать отметку, которой Престер должен был отмаркировать место окончания своего поиска. Ярко-желтый флажок флуоресцентной окраски прямо-таки бросается в глаза. Престер продвинулся не особо далеко.

Направляюсь к флажку, внимательно вслушиваясь в лесные шорохи. Другие копы ведут поиск в своих квадратах, но я не вижу и не слышу их; такое ощущение, что с тем же успехом я могла бы быть одна-одинешенька во всем лесу. Я люблю Хавьера, но если он еще хоть раз посмеется надо мной за то, что в глуши я чувствую себя уязвимой... Дергаю плечом и выдергиваю из земли флажок-маркер. Помощница шерифа дала мне такие же яркие оранжевые флажки, чтобы отмечать места находки потенциальных улик; количество этих флажков в сумке кажется мне чертовски оптимистичным. Но я лишь отмечаю, в какую сторону был наклонен флаг Престера, и медленно начинаю идти по сетке. Сверяюсь с компасом, дабы удостовериться, что не сбилась с направления; в лесу невероятно легко свернуть не туда.

Заметив отблеск в луче фонаря, останавливаюсь и наклоняюсь, чтобы осмотреть предмет. Разбитая пивная бутылка; этикетка давным-давно облезла за те годы, что стеклотара пролежала здесь. Тем не менее я помечаю ее и иду дальше.

Квадрат Престера небогат на улики. Заканчиваю проход с севера на юг и начинаю двигаться с востока на запад. Я уже на полпути (и уже час занимаюсь прочесыванием), когда замечаю что-то странное. Изучаю находку, стараясь понять, что же это; просто нечто странное, полускрытое листьями папоротника, но выглядит как-то неправильно. Я аккуратно развожу в стороны листья растения и всматриваюсь поближе.

Гладкое. Бледное. Изогнутое. Органическое.

Это не имеет никакого отношения к пропавшей женщине, но это кость. Мое сердце начинает биться чаще, но я усмиряю его. «Возможно, просто мертвое животное», – говорю я себе. Это вполне осмысленное объяснение: в конце

концов, я посреди леса. Знаю, что это рискованно и что парни из ТБР, вероятно, будут совершенно справедливо ругать меня за то, что я трогаю улики, но я не хочу быть тупой деревенщиной, которая поднимает крик из-за оленьего черепа. Поэтому наклоняюсь и начинаю осторожно разгребать почву по сторонам.

Это человеческий череп, зарытый в землю подбородком вниз. Не могу сказать, был ли он погребен полностью, а потом обнажен дождевыми струями, но когда добираюсь до надбровной выпуклости и глазниц, я уже точно знаю, что этот череп принадлежал человеку – вероятно, мужчине, потому что надбровья сильно выступают. Я останавливаюсь, делаю шаг назад, втыкаю в землю оранжевый флажок и включаю рацию.

– Нашла кое-что, – сообщаю помощнице шерифа, сидящей за своим столиком ниже по склону. – Мне нужно, чтобы руководитель операции прибыл сюда немедленно.

– Да, детектив, – чопорно отвечает она. – Я сейчас отправлю его. Эксперты вам тоже требуются?

– Совершенно верно, – говорю.

Я считаю, что на этом разговор завершен, но после короткой паузы помощница шерифа снова появляется в эфире.

– Вы нашли ее? – спрашивает она осторожно, почти боязливо.

– Нет, – отвечаю я. – Кого-то другого. Ни следа пропавшей женщины.

На этот раз она ничего не отвечает. Я жду, глядя на полупогребенный череп.

«Кто ты?» Я гадаю также, кто закопал его здесь. И почему это место так близко от пруда, где утонула машина. Поскольку что-то – не логика, а что-то, гнездящееся в глубинах моего мозга – нашептывает мне, что это не совпадение. Мы любим, чтобы все было логично и осмысленно, – мы, копы. Я знаю, что здесь, вероятно, нет никакого тайного смысла, что, скорее всего, пьяный охотник сломал ногу и был съеден пресловутым голодным медведем, но все же...

Здесь есть связь. Я знаю это, даже если пока не могу это доказать.

* * *

Мой квадрат быстро превращается в место следствия. Сначала руководитель операции – лейтенант ТБР, белый мужчина с резкими манерами – задает мне ряд вопросов, категорически желая узнать, зачем я частично выкопала череп, и не особо слушая мои ответы, поскольку уже мысленно заполнил соответствующую графу в бланке. Потом я отхожу назад, прислоняюсь к дереву и наблюдаю издали. Эксперты подходят к делу очень серьезно, учитывая все; поскольку преступление произошло давно, им нет нужды беспокоиться о следах ног. Предмет их заботы – волосы и ткани, и все, кто приближается к черепу, должны облачиться в комбинезоны из нетканки, иначе их никто не подпустит. Техник подходит ко мне, чтобы взять образцы волос и тканей на тот случай, если я оставила их на земле или на черепе, и я подчиняюсь. Еще им нужны отпечатки пальцев, и я предоставляю их, хотя не трогала сам череп непосредственно. Но так положено по протоколу.

А вот чего нет в протоколе, так это того, как лейтенант выпаливает свои мнения, словно из водяного пистолета. «Вероятно, бродяга». Здесь, в лесу? Сомнительно. Бездомные предпочитают не слоняться по лесам, а если покойник был бездомным, у него должна была быть какая-то поклажа: вещи, может быть, палатка.

Поблизости я ничего подобного не вижу. «Какой-нибудь пьяница, решивший поспать не в том месте. Или самоубийца».

Случайно умершие люди и самоубийцы обычно не закапывают свои черепа. Я знаю, что череп от тела могли отделить пожиратели падали, могли скатить его по склону, если уж на то пошло, а в почву он мог погрузиться естественным путем. Я гадаю, следует ли упомянуть об этом, потому что никто из присутствующих пока не думает в эту сторону.

Я ничего не говорю. Вместо этого иду вверх по холму.

Это трудный подъем: выветренный камень рассыпается на обломки у меня под ногами, скользкая растительность едва не заставляет меня упасть, но я упрямо

поднимаюсь. Я выбираюсь наверх, тяжело дыша, вся вспотевшая под плотной курткой; уперев ладони в бока, медленно иду по кругу. Здесь, на вершине, царит сумрак, но все же это не та темнота, которая уже сгустилась внизу, и мне не нужен фонарик, чтобы опознать могилу. Она старая, но не старше пары лет, прикидываю я. Мелкая, сильно разрытая падальщиками, и это объясняет, как череп мог скатиться вниз по склону. На этот раз я не копаюсь в земле, просто смотрю; мне не требуется ничего трогать, поскольку я и так вижу три ребра, торчащие наружу. Изорванная ткань трепещет на ветру.

Я мрачно втыкаю рядом один из оранжевых флажков, выпрямляюсь и включаю рацию.

- Нашла кое-что на вершине холма, - сообщаю я. - Похоже, это остальное тело.

С того места, где я стою, мне видно, как все остальные замирают, поворачиваются и смотрят на меня. Я не говорю больше ни слова.

* * *

Агент ТБР медленно закипает - не потому, что я нашла тело, а потому, что опровергла его скоропалительные теории. Мне велено отойти подальше и продолжить поиск по сетке... хотя ботинки всех этих агентов перемешали почву в кашу, сделав мою работу в десять раз сложнее. Я не спорю - просто сползаю вниз с вершины, включаю фонарик и продолжаю с того места, где остановилась.

Одинокая помощница шерифа охраняет место находки черепа, обнеся его веревкой. Мы киваем друг другу, и я иду дальше. Проходит еще час, прежде чем я завершаю прочесывание и отчитываюсь о своих малочисленных находках: еще двух стеклянных посудинах, пластиковой бутылке из-под воды и гильзе от патрона с дробью - гильза выглядит слишком старой, чтобы от нее был хоть какой-то толк. Возвращаюсь через лес обратно к складному столику и с удивлением обнаруживаю, что солнце уже клонится к закату. Мне казалось, что прошло куда меньше времени, но когда я сверяюсь со своими часами, на меня накатывает волна усталости. За последние двое суток я очень мало спала, и хотя могу продолжать действовать, это не особо разумно. Я наверняка начну упускать из виду то и другое. Моя реакция станет слишком медленной, что в случае ношения огнестрельного оружия - реальная проблема.

Звоню в участок, сообщаю о завершении своей смены и направляюсь в теплую, уютную хижину папы, стоящую чуть поодаль от озера Стиллхауз. По крутой, усыпанной гравием дорожке я вывожу свою машину на плоский парковочный участок – как раз такой величины, чтобы вместить папин пикап и мою легковушку – и выхожу навстречу прохладному вечернему воздуху, ощущая его запах. Глубоко вдыхаю, закрыв глаза. Чистый, свежий аромат хвои, а озерный запах сюда не доносится. Папа готовит рыбу, и я сглатываю неожиданно подступившую слюну, осознав, насколько проголодалась. Когда я в последний раз ела? Уже не помню.

Я стучусь, жду, пока папа отзовется, и вхожу в боковую дверь. Бут, пес Хавьера, вскакивает на ноги, пыхтит и подбегает ко мне для приветственного поглаживания. Он хорошо натренирован, и даже запах вкусной еды не может сбить его с обычной линии поведения. Я обнимаю его за мощную мускулистую шею, и он дружески лижет мое лицо.

– Запирай свою чертову дверь, – говорю я отцу, выпрямляясь. Не оборачиваясь от плиты, он отмахивается от меня большой железной вилкой.

– Если кто-то придет сюда за мной, я поджарю его на гриле, – отвечает он. – Но сперва разделая.

– Сом? – пытаюсь угадать я и подхожу, чтобы заглянуть ему через плечо.

Когда-то мой отец был выше и массивнее, но возраст заставил его съежиться. Это неизменно слегка сбивает меня с толку и слегка печалит, когда я вспоминаю, что этот тощий жилистый старик некогда был крупным громогласным мужчиной, который легко поднимал меня на одной руке. Иезекил Клермонт по прозвищу Изи.

Чертовски хороший отец, даже в самые худшие времена. А у нас были очень плохие времена после смерти мамы: слишком мало денег, слишком много скорби. Папа от многого отказался, чтобы у меня было все необходимое. Теперь моя очередь делать для него то же самое – насколько он позволит, конечно.

– Пока что отвали, я приготовил только на себя самого. – Однако он бросает на меня пристальный взгляд. – Ты что, пропустила обед, девочка?

Я просто пожимаю плечами, зная, что отец воспримет это как «да». Он качает головой и тянется за большой металлической лопаткой, которую использует, чтобы разрезать изрядный кусок жареной рыбы надвое. Потом переворачивает оба куска на сковороде.

Я мою руки, расставляю на столе тарелки и раскладываю приборы. Это давний ритуал, который по-прежнему воскрешает память о моей умершей матери – хотя я до сих пор вижу ее улыбку. Это были ее тарелки – потертые, местами выщербленные, но драгоценные для нее. Я наливаю отцу воды в высокий стакан и кладу рядом его таблетки, а себе наливаю кока-колы.

– Могла бы угостить меня пивом, раз уж я готовлю для тебя, – ворчит он.

– Ты же знаешь, что эти лекарства нельзя принимать с алкоголем.

– Я знаю, что в пиве не так уж много алкоголя.

Это ворчание мне уже привычно, и я пропускаю его мимо ушей. Я знаю – и его врач тоже знает, – что время от времени папа пропускает стакан-другой пива. Ему это не особо вредит, но я беспокоюсь. Достаяю из духовки картошку и шпинат, которые он приготовил заранее, и тоже ставлю на стол. К этому моменту рыба уже зажарилась. Отец приносит тяжелую сковороду к столу и раскладывает куски сома по тарелкам. Когда вижу, как дрожит его рука, я с трудом удерживаю себя от того, чтобы перехватить у него сковороду. Он не потерпит того от меня – пока что.

– Твоей ноге, похоже, лучше, – говорю я ему. Это правда. Папа не так сильно хромает, как неделю назад.

– Стало лучше с тех пор, как на улице начало теплеть, – отвечает он. – Это все из-за холода. Садись и съешь что-нибудь. Тебе это нужно.

Отец, конечно же, прав. Я просто умираю от голода, чувствуя запах рыбы – зажаренной в пряностях по-каджунски, – и едва могу дождаться окончания молитвы, прежде чем приняться за обед. Пряности тают у меня на языке, и впервые за день я чувствую себя нормально. В безопасности. Мы едим, почти не разговаривая. Но каждый кусочек еды чувствуется как произнесенное папой слово любви ко мне.

Я не знаю, говорить ли ему о ребенке. С одной стороны, я знаю, что он будет на седьмом небе от радости... но все-таки хочу рассказать ему только тогда, когда Хавьер будет здесь, со мной. Я хочу разделить с Хави то счастье, которое ощутит мой отец от этого известия. Осталась всего неделя. Только это удерживает меня от того, чтобы проговориться – каким-то образом. И я знаю, что есть еще одна причина: я не хочу, чтобы папа хлопотал надо мной и побуждал меня бросить расследование.

– Никто не заезжал? – спрашиваю я. Наши друзья часто заскакивают в хижину, просто чтобы убедиться, что с моим отцом все в порядке, раз уж он живет тут один. С тех пор, как Сэм и Гвен перебрались в большой город, они не могут навещать его так же часто, как прежде. Несколько наших соседей отметили это; одна добрая пожилая женщина из Нортон раз в неделю преодолевает весь путь досюда, чтобы выпить кофе, взять у отца список необходимых покупок и удостовериться, что ничего не стряслось. Я чувствую себя виноватой за это, но мне кажется, она питает к нему нежные чувства, и я не хочу вмешиваться, что бы между ними ни происходило.

– Сэм заезжал недавно, – говорит Изи. – Сегодня он летал. Полагаю, это доставляет ему радость. – Голос у отца мрачный, и я вспоминаю, как он ненавидит летать. Всегда ненавидел, сколько я помню. Он лучше будет трястись несколько дней в автобусе, чтобы навестить родственников, чем совершит часовой перелет. – И можешь уже не просить людей целыми днями названивать мне – у меня есть чертова мобилка, и я знаю, кому позвонить, если я упаду и не смогу подняться.

– Ты должен позвонить в «девять-один-один», – резко напоминаю я. – А не друзьям.

Он бросает на меня взгляд, говорящий, что мне лучше заткнуться на этот счет.

– Знаю.

– Рыба очень вкусная, пап, – говорю я, и это заставляет его немного смягчиться. – А что ты положил в шпинат?

– Чеснок и лимон. Свежий лимон, не эту дрянь из бутылки. – Он молчит некоторое время, потом спрашивает: – У тебя на руках какое-то плохое дело, верно?

– Очень плохое, – отвечаю я и продолжаю есть шпинат. Но теперь он теряет всякий вкус. Я на целых несколько минут забыла о тех девочках, и теперь это жжет меня, словно предательство. Я знаю, что ребенок у меня внутри еще слишком маленький, чтобы его можно было почувствовать, но мне все равно кажется, будто я ощущаю трепет его крошечного, еще формирующегося сердечка. Я должна сказать папе, но в то же время не хочу говорить ему, пока с этим делом не будет покончено и пока Хавьер не вернется. – Ты не хочешь об этом ничего знать.

– Я знаю, что ты не хочешь мне рассказывать.

– Пап!

– Ты не можешь держать это в себе и знаешь это. Хавьер уехал на сборы морпехов, так? И с кем тебе еще поговорить в таком случае?

– С Гвен, – отвечаю я. – Я говорила с Гвен. Она помогает мне разобраться с этим. – Отец ворчит, давая таким образом понять, что он одновременно одобряет мой поступок, но при этом хотел бы, чтобы я поделилась с ним. Но я не могу – только не этим. Мне просто кажется, что это будет неправильно. – Наверное, мне придется подолгу работать над этим. Я попрошу, чтобы кто-нибудь заезжал тебе помочь, если будет нужно.

– Черт возьми, я не инвалид и не хочу, чтобы сюда кто-то постоянно шляется и стучался ко мне в дверь. Если им есть что сказать, пусть позвонят. – Если уж мой отец уперся, то он и бодаться готов, будьте уверены. Я поднимаю руку в знак примирения.

– Ладно-ладно. У нас есть какой-нибудь десерт?

Десерт – это то, чем папу можно отвлечь почти от чего угодно. Он сладкоежка.

– Шоколадный кекс, – отвечает он. – Майра завезла его на прошлой неделе.

Майра – это та женщина из Нортон, у которой, возможно, роман с моим отцом, но я не хочу об этом думать. Просто встаю и нарезаю кекс – домашней выпечки, очень нежный. Майра хорошо готовит. Мы едим кекс и забываем о своих разногласиях, и следующие полчаса я просто провожу в тишине и покое. Мою и раскладываю посуду, пока отец смотрит боксерский матч. На озеро опускается густая ночная темнота, но в небе сияют звезды, яркие и красивые. Я прислоняюсь к машине и допиваю колу, потом выкидываю бутылку в мусорку для вторсырья. Свистом подзываю Бута, и он вприпрыжку сбегает с крыльца и заскакивает на заднее сиденье машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом рассказывается в романе Р. Кейн «Темный ручей».

2

Об этом рассказывается в романе Р. Кейн «Волчья река».

3

Любимая (исп.).

4

Миз – «госпожа...»; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах; ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, в том случае, если ее семейное положение неизвестно или она сознательно подчеркивает свое равноправие с мужчинами.

Купить: https://tellnovel.com/keyn_reychel/mrachnyy-zaliv

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)